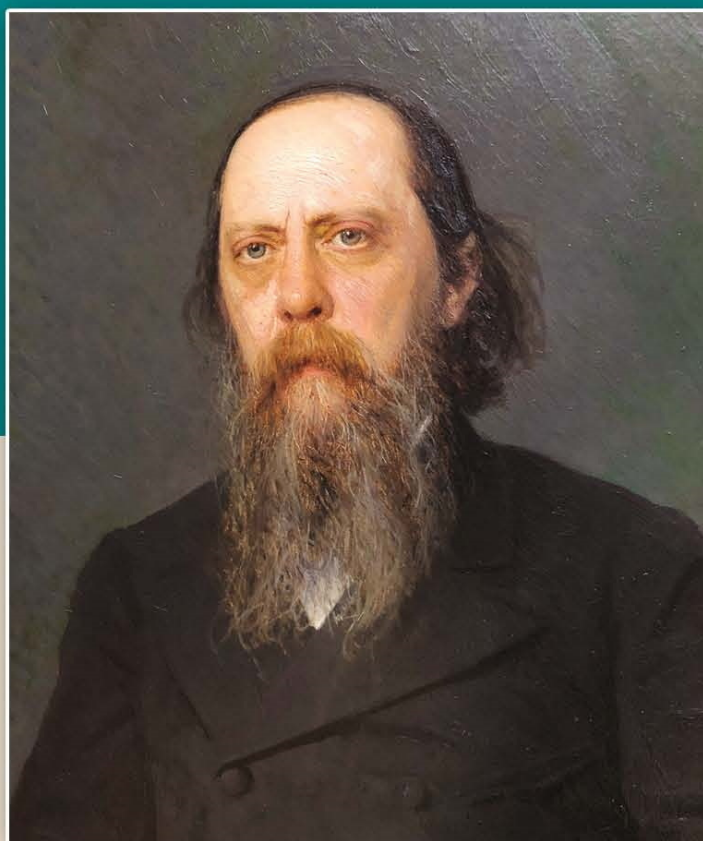

СКАЗКИ

БЕЗ МОЛОЧНЫХ РЕК И КИСЕЛЬНЫХ БЕРЕГОВ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Русская культура

Михаил Салтыков-Щедрин

**Сказки. Без молочных
рек и кисельных берегов**

ТД "Белый город"

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

Салтыков-Щедрин М. Е.

Сказки. Без молочных рек и кисельных берегов / М. Е. Салтыков-Щедрин — ТД "Белый город", — (Русская культура)

ISBN 978-5-00119-261-9

Сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина, связанные с размышлениями писателя о жизни русского общества второй половины XIX века, имеют общечеловеческий смысл, так как поднимают важные для любого времени этико-философские и психологические вопросы. Стремившийся к тому, чтобы в сознании соотечественников актуализировались понятия об общем благе и индивидуальной ответственности, писатель использовал для этой группы произведений условное именование «сказки». Некоторые из них набором персонажей, фантастическими поворотами сюжета, традиционными формулами и впрямь напоминают сказки, другие – в большей степени соответствуют жанру рассказа, очерка или притчи. Свои непростые по смыслу и форме сказки Салтыков не предназначал для детского чтения, но с течением времени некоторые из них были включены в школьную программу и приобрели хрестоматийный характер. Издание проиллюстрировано рисунками разных художников из фондов Тверского государственного объединенного музея.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-00119-261-9

© Салтыков-Щедрин М. Е.

© ТД "Белый город"

Содержание

Не то сказка, не то быль	7
Сказки	22
Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил	23
Пропала совесть	30
Дикий помещик	37
Премудрый пискарь	45
Самоотверженный заяц	51
Бедный волк	57
Добродетели и пороки	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Михаил Салтыков-Щедрин

Сказки. Без молочных рек и кисельных берегов

Серия «Русская культура»

Составитель, автор вступительной статьи и комментариев *Е.Н. Строганова*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

© Строганова Е.Н., сост., подготовка текста, вступит, статья, комментарии, 2026
© ООО ТД «Белый город», 2026

Не то сказка, не то былль

В 2012 году, когда обсуждались изменения в школьной программе по литературе, корреспонденты журнала «Большой город» (Москва) задали вопрос 600 старшеклассникам и студентам, кого из писателей следовало бы исключить из учебной программы. М.Е. Салтыков в этом списке оказался на шестом месте, и мотивировки были самые разные. Одна из школьниц написала: «...ЭТО “сказками” называть нечестно»¹. С таким суждением можно было бы согласиться, если не учитывать одно важное обстоятельство, а именно – условность жанровых обозначений. Л.Н. Толстой, отвечая на недоумения по поводу «Войны и мира», писал: «Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось. Такое заявление о пренебрежении автора к условным формам прозаического художественного произведения могло бы показаться самонадеянностью, ежели бы оно было умышленно и ежели бы оно не имело примеров. История русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от “Мертвых душ” Гоголя и до “Мертвого Дома” Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести»². Так писатель провозглашал приоритет творческой свободы и независимость художника от жанровых канонов и предписаний. Именно с этих позиций надо подходить и к сказкам М.Е. Салтыкова (Н. Щедрин).

«...Писал и служил, служил и писал»

Михаил Евграфович Салтыков родился 15 (27) января 1826 года в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской (ныне Московской) губернии и был шестым ребенком в семье Евграфа Васильевича и Ольги Михайловны Салтыковых. При крепостном праве важной стороной жизни любой помещичьей семьи были взаимоотношения с крестьянами. Господа Салтыковы не проявляли особых жестокостей в отношении своих крестьян, но они безраздельно владели и распоряжались принадлежавшей им «крещеной собственностью», устраивая жизнь бесправных людей по своему усмотрению. Эта атмосфера рабства, в которой прошли ранние годы Михаила Салтыкова, во многом определила идейные настроения писателя, который, по его собственным словам, «вырос на лоне крепостного права, вскормлен молоком крепостной кормилицы, воспитан крепостными мамками и, наконец, обучен грамоте крепостным грамотеем» (16–2, с. 28)³

Михаилу Салтыкову было десять лет, когда он покинул родительский дом и поступил «полным пансионером» (на полное казенное обеспечение) в третий класс Московского Дворянского института, откуда через два года «за отличие в науках» был переведен в Царскосельский (впоследствии Александровский) лицей. Позднее Салтыков, говоря о «тяжелых годах», проведенных в этих привилегированных учебных заведениях, с горечью вспомнит свое положение небогатого и незнатного казеннокоштного воспитанника⁴, у которого «не было ни соб-

¹ См.: Витюк Ксения. «Ладно Ахматова, но Цветаева-то, простите, на фига?» (Большой город. 29.11.2012). [URL: http://bg.ru/education/antirejting_klassikov-15862/?chapter=6#menu] [10.09.2016].

² Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. VII. М.: Художественная литература, 1981. С. 356.

³ Здесь и далее цитаты из произведений и писем Салтыкова приводятся с указанием тома и страниц в тексте по изданию: Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977.

⁴ Воспитанник, чье содержание и обучение оплачивало государство.

сственного мундира, ни собственной шинели с бобровым воротником», который умывался «казенным мылом» и ел «казенную говядину» (10, с. 628–629).

В лицее, где существовал культ Пушкина, на каждом курсе выбирался свой «продолжатель Пушкина» из числа тех, кто отличался особыми литературными дарованиями. Таким «продолжателем» считался и Салтыков, который «уже в 1-м классе почувствовал решительное влечение к литературе» (17, с. 469). Преследуемый гувернерами и учителем, он не переставал писать стихи и даже печатал их в журналах. Первое его опубликованное стихотворение называлось «Лира» (1841), здесь он, разворачивая известную пушкинскую формулу «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил», в возвышенных тонах изображал передачу поэтической эстафеты от Державина к Пушкину.

Ко времени окончания лицея Салтыков серьезно думал о литературной карьере, но, как казеннокоштный воспитанник, должен был провести шесть лет на государственной службе. В августе 1844 года он поступает на службу в Канцелярию военного министерства (в сатирических произведениях писателя – «департамент Побед и Одолений»), где два года служит без жалованья сверхштатным чиновником, а в 1846-м получает штатную должность помощника секретаря. Истинные его интересы по-прежнему были связаны с литературой.

В юношеские годы получили поддержку не осознанные ранее демократические настроения Салтыкова. Ему оказались близки идеи социальной справедливости, с которыми он знакомился, читая журналы и книги, о которых узнавал, общаясь с другими молодыми людьми, ненавидевшими рабство и унижение человеческого достоинства. Позже он назовет имена своих идейных наставников, и в первую очередь В.Г. Белинского, статьями которого зачитывался еще в лицее. В кругу близких по духу и убеждениям молодых людей, посещая «пятницы» своего соученика по лицей Михаилу Васильевичу Буташевича-Петрашевского, в беседах с Валерианом Николаевичем Майковым и Владимиром Алексеевичем Милютиным Салтыков приобщался к новейшим экономическим теориям и социальным учениям, в частности к идеям утопического социализма Сен-Симона, Кабе, Фурье. На молодого Салтыкова, как и на многих его современников, огромное воздействие оказали романы Жорж Санд, в которых ярко и страстно были воплощены эти идеи. Об увлечении французской литературой он позднее писал: «Оттуда лилась на нас вера в человечество, отсюда воссияла нам уверенность, что “золотой век” находится не позади, а впереди нас...» (14, с. 112).

Однако Салтыков принимал не столько конкретную программу, сколько общий пафос социально-утопических теорий. Система Фурье, например, не устраивала его жесткой регламентированностью и попыткой в мелочах расчислить будущую жизнь. Об этом он напишет в отзыве на роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», отмечая «некоторую произвольную регламентацию подробностей <...> для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных оснований» (6, с. 324).

В первые послелицейские годы Салтыков обращается к прозе. Его дебютные повести «Противоречия» и «Запутанное дело» были написаны одна за другой в 1847–1848 годах. Знаменательны названия этих произведений, выявляющие диссонансы социальной жизни и – соответственно – мироощущения человека. Прозаик Салтыков, усвоив эстетические постулаты «натуральной школы», показывает, что психология и поведение человека обусловлены обстоятельствами жизни. Такой социальный детерминизм и в дальнейшем будет свойствен его произведениям, но с одной важной поправкой. Салтыков не считал справедливой формулу «среда заела», так как понимал, что среда – лишь одно из обстоятельств и не менее важную роль в самоопределении личности играют внутренние установки, побуждения и потребности, которые не исчерпываются внешними влияниями. В конечном счете сам человек ответствен за все, что происходит с ним, и особенно это касается представителей высшего сословия, людей культуры, которых и образование, и образ жизни, и род занятий обязывают сознательно относиться к жизни своей и общей.

В ранних повестях Салтыкова, особенно во второй, силен элемент социальной критики. Приехавший из провинции в Петербург «маленький человек» Иван Самойлыч Мичулин пытается получить «место», то есть устроиться на службу, но в петербургском мире бедному провинциалу, не имеющему протекции, места нет. В болезненном бреде героя мерещится огромная пирамида, присмотревшись к которой, он замечает, что она составлена из людей, и в самом основании видит своего двойника, голова которого «была так изуродована тяготевшею над нею тяжестью, что лишилась даже признаков своего человеческого характера...» (1, с. 265). Этот салтыковский гротеск – образ чудовищной иерархической пирамиды, уничтожающей человека, равно как и некоторые другие моменты в тексте, стал причиной особого внимания властей к личности автора. В феврале 1848 года произошла революция во Франции, а затем и революционные выступления в ряде других стран. Повесть Салтыкова, напечатанную в марте, сочли крамольной, в ней, как и в повести «Противоречия», увидели «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу...»⁵ В апреле 1848 года Салтыков был арестован и после недолгого следствия отправлен в Вятку. Двадцатидвухлетний юноша, полный планов, надежд и литературных притязаний, на семь лет принудительно был вырван из привычных условий жизни – в Петербург он вернулся уже тридцатилетним.

В Вятке Салтыков начинает службу с низших ступеней чиновничьей лестницы. Через некоторое время он получил должность старшего чиновника по особым поручениям при губернаторе, а еще через два года был назначен советником губернского правления. Служил он, вдохновляясь «идеалами добра, истины, любви». Писательством не занимался, но это вынужденное молчание стало временем творческого возмужания. В ноябре 1855 года Салтыков получил известие об освобождении и в конце декабря навсегда покинул Вятку. Почти сразу же по его возвращении, во второй половине 1856 года, на страницах журнала «Русский вестник» начинается публикация произведений, объединенных общим названием «Губернские очерки». Повествование в цикле ведется от имени надворного советника Николая Ивановича Щедрина, именем которого были подписаны очерки, – так в России появился писатель Щедрин, чей талант был замечен и читателями, и критикой. С этого времени Салтыков начинает подписывать свои произведения литературным именем «Н. Щедрин».

«Губернские очерки» потрясли русскую публику. Со смертью императора Николая I и воцарением Александра II начиналась новая эпоха: «прошлые времена» уходили в небытие и наступал период политических надежд и социальных упований. Этот перестроечный дух эпохи очень точно почувствовал и изобразил Салтыков. «Ведь выбрал же г-н Щедрин минутку, когда явиться», – писал Ф.М. Достоевский⁶, выразив настроение многих своих современников. Чиновные взяточники, мошенники, вымогатели пестрой толпой проходят перед читателями, но цикл венчается картиной похорон и знаменательной репликой: «“Прошлые времена” хороши!» (2, с. 468) Книга Салтыкова принесла ему известность в самых разных кругах читателей, вплоть до членов царской фамилии. Когда происходило одно из очередных служебных перемещений Салтыкова и царю доложили, что речь идет об авторе «Губернских очерков», он произнес: «...пусть едет служить да делает сам так, как пишет...»⁷

«...Писал и служил, служил и писал» (17, с. 473) – так в одном из автобиографических набросков скажет Салтыков об основном содержании своей жизни на протяжении многих лет. Писал – потому что не мог не писать. Служил – потому что служба была основным источником доходов. Об этом приходилось думать еще и потому, что в мае 1856 года Михаил Евграфович

⁵ Цит. по: Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Биография. I. М.: ГИХЛ, 1949. С. 246.

⁶ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978. С. 60.

⁷ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1975. С. 181.

становится семейным человеком: он женился на дочери бывшего вятского вице-губернатора Елизавете Аполлоновне Болтиной.

«Лучшую пору моей жизни я размыкал по губерnskим городам...» – писал Салтыков (15–2, с. 283). В губерниях он занимал высокие административные посты: вице-губернаторствовал в Рязани (март 1858 – апрель 1860) и Твери (апрель 1860 – январь 1862), затем, после краткосрочной отставки, продолжил службу в должности председателя казенной палаты⁸ в Пензе (ноябрь 1864 – ноябрь 1866), Туле (ноябрь 1866 – октябрь 1867) и Рязани (октябрь 1867 – июнь 1868). Только в 1868 году с бюрократической деятельностью было бесповоротно покончено. Салтыков вышел в отставку в чине действительного статского советника, который по Табели о рангах соответствовал армейскому чину генерал-майора.

Его служебную деятельность с полным правом можно назвать образцовой: он был энергичен, принципиален, не считался с затратами личного времени и сил. Начав службу в Рязани, писал брату, что работает «в полном смысле слова, как каторжник <...> ежедневно, не исключая и праздничных дней, не менее 12 часов» (18–1, с. 196). Так же обстояло дело и в Твери. В Рязани и Твери Салтыков, как вице-губернатор, возглавлял губернское правление, в которое «входили все учреждения в губернии, судебные, административные, хозяйственные, благотворительные и прочие»⁹. Кроме того, в отсутствие губернатора он исполнял обязанности начальника губернии. Через его руки проходили бесчисленные «дела о злоупотреблениях помещичьей властью», и он детально вникал в них, добиваясь наказания виновных. Занимался вопросами жизни городского населения, положением фабричных рабочих, проблемами загрязнения окружающей среды. В его ведении находились земские и городские полиции, надзирал он за положением в тюрьмах и больницах, за состоянием строительных работ и др. Все вопросы, подлежавшие обсуждению губернского присутствия (органа, в который входили высшие чины губернского правления), вице-губернатор предварительно рассматривал сам и по многим вопросам писал или редактировал решения.

Чиновничья служба фактически не оставляла времени для занятий литературой, но Салтыков все-таки ухитрялся писать. В 1857–1868 годах главным объектом его внимания были преобразовательные процессы в социально-экономической сфере и реакция на них в помещичьей и чиновничьей среде (сборники «Невинные рассказы», «Сатиры в прозе», «Письма о провинции» и др.).

Вице-губернаторство Салтыкова в Твери совпало со временем подготовки и проведения крестьянской реформы. В 1861–1862 годах Тверь оказалась своеобразным центром оппозиционных настроений. Программа либеральных преобразований, предложенная чрезвычайным собранием тверских дворян, была изложена в Адресе, направленном Александру II. Салтыков не имел непосредственного отношения к событиям, но, судя по некоторым обстоятельствам, негласно участвовал в выработке документов.

В очерках, написанных в Твери в начале 1860-х годов, впервые появляется город Глупов. Но прообразом его послужила не только Тверь, в равной мере на это могли претендовать и Вятка, и Рязань, а позже еще и Тула, и Пенза – любой из губернских, уездных и даже столичных городов – словом, вся Россия. Уже в первых рассказах появляется тема истории Глупова, которой нет: «У Глупова нет истории. Всякая вещь имеет свою историю; даже старый вице-губернаторский вицмундир имеет свою историю <...> а у Глупова нет истории. Рассказывают старожилы, что была какая-то история и хранилась она в соборной колокольне, но впоследствии не то крысами съедена, не то в пожар сгорела...» (3, с. 484). Слово «история» каламбурно обыгрывается: в нем совмещаются понятия о процессе и об описании процесса. К этому

⁸ г>В ведении казенных палат находились учет доходов и расходов в губернском и уездных казначействах, наблюдение за поступлением государственных доходов, организация и проведение торгов и т. д.

⁹ М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 106.

каламбуру автор возвращается в «Истории одного города», где использован прием найденной истории – записей четырех летописцев, развернутых в причудливом повествовании.

Основные события, изображенные в романе, хронологически ограничены 1731–1825 годами, но условность этих временных границ подчеркнута числом градоначальников – 22: именно столько самодержцев было на Руси, начиная с венчавшегося на царство Ивана Грозного и до правившего в 1860-е годы Александра II. Отвечая на упреки, Салтыков писал, что «не “историческую”, а совершенно обыкновенную сатиру имел <...> в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною» (18–2, с. 82). Материал же для сатирических обобщений ему давала вся российская история – от Гостомысла до современности. «Сумасшедше-юмористическая фантазия» Салтыкова (И.С. Тургенев) гротескно заостряла факты и ситуации действительной жизни, обнажая их подлинное содержание и сущность.

Лейтмотив «Истории...» – это беззаконие и произвол как принципы внутренней политики и общественной жизни. Головотяпы, будущие глуповцы, возмечтали о сильной руке, и старец Гостомysl, благословляя их на поиски князя, обещает: «...он и солдат у нас надевает, и острог какой следовало выстроить!» (8, с. 271). Глуповские градоначальники, за редким исключением, стараются и преуспевают на этом поприще. «Безумие» власти писатель показывает в гротесковых образах безголовых правителей. Брудастый-Органчик, с «неким особливым устройством» вместо головы, исполнявшим только две пьески: «Не потерплю!» и «Разорю!». Майор Прыщ, голова которого оказалась фаршированной и была с вождением употреблена в пищу предводителем дворянства, «одержимым гастрономической тоской». Микроцефал, или «короткоголовый», статский советник Иванов, то ли умерший от натуги, силясь постичь очередной сенатский указ, то ли уволенный в отставку «за то, что голова его вследствие постепенного присыхания мозгов (от ненужности в их употреблении) перешла в зачаточное состояние» (8, с. 374). И кульминация этого ряда – «идиот» Угрюм-Бурчеев, задумавший втиснуть в прямую линию «весь видимый и невидимый мир». «Систематический бред» Угрюм-Бурчеева возникает как сатирическое обобщение замыслов и практик социального экспериментаторства – от утопии Томаса Мора до аракчеевских поселений и современных Салтыкову общественных теорий.

Вернувшись из ссылки, Салтыков не сомневался, что будет заниматься литературным трудом. Из числа действующих журналов ближе других ему был «Современник», отношения с которым складывались непросто. Именно в этот журнал он первоначально предложил свои «Губернские очерки», но Некрасов, прислушавшись к негативному отзыву Тургенева («Это совсем не литература, а черт знает что такое!»¹⁰), отверг их. Правда, успех книги заставил руководителей журнала искать сотрудничества Салтыкова, и в 1857–1862 годах он помещал там свои произведения, но этим дело и ограничивалось. В январе 1862 года Салтыков выходит в отставку, предполагая издавать собственный журнал «Русская правда», однако этот проект не получил надлежащего одобрения.

В 1862 году «Современник» переживал тяжелые времена: в ноябре 1861 года умер Н.А. Добролюбов, один из основных его сотрудников, в июне на восемь месяцев было приостановлено издание журнала, в июле был арестован и заключен в крепость Чернышевский. Возобновляя в декабре издание «Современника», Некрасов просит Салтыкова войти в состав редакции, и тот соглашается, но этот период более тесного сближения с журналом продлился менее двух лет. Сотрудничество писателя, далекого от революционной идеологии, в журнале радикального направления некоторым современникам представлялось отступлением от убеждений. Но Салтыков, которому был близок демократический дух «Современника», оставлял за собой право на страницах этого издания выражать собственное мнение, даже если оно не разделялось дру-

¹⁰ Цит. по: М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 313.

гими сотрудниками. Этим нежеланием и неумением отступать от своей позиции объясняется его разрыв с «Современником», когда обострились разногласия с тремя членами редакции, которых Салтыков называл «духовной консисторией» (все они – М.А. Антонович, Г.З. Елисеев и А.Н. Пыпин – происходили из духовной среды).

Возвращаясь в 1864 году к чиновничьей деятельности, Салтыков известил Некрасова о том, что выходит из редакции и остается «только сотрудником» журнала. Сотрудничество это постепенно переросло в более тесное общение, и, окончательно выйдя в отставку в 1868 году, Салтыков принял предложение Некрасова стать одним из соредакторов журнала «Отечественные записки», право на издание которого тот приобрел. Новые «Отечественные записки» пришли на смену закрытому в 1866 году «Современнику» и стали самым авторитетным демократическим журналом в России. В 1876 году, в связи с тяжелой болезнью Некрасова, Салтыков фактически возглавил редакцию, а в 1878 году был официально утвержден в должности редактора.

В журнале Салтыков сразу же возглавил отдел беллетристики и сам стал его активнейшим автором. Все, что он написал в 1868–1884 годах, появлялось на страницах «Отечественных записок». В этот период талант писателя разворачивается во всем своем блеске, для очень многих людей он становится «властителем дум», в чьих произведениях искали ответы на мучительные вопросы жизни.

Салтыкова как писателя особенно интересовал вопрос о том, как социально-политические условия влияют на психологию и поведение человека. В романе «Современная идиллия» (1877–1883) он сатирически осмысляет поведение либеральной интеллигенции в ситуации конца 1870-х – начала 1880-х годов. Политическим содержанием этого периода стали акты народовольческого индивидуального террора с их кульминацией – убийством 1 марта 1881 года императора Александра II – и последующими репрессиями. Салтыков показывает, что в этих условиях русский либерал, озабоченный «шкурным самосохранением», отрешается от прежних идеалов и всячески стремится доказать свою «ненеблагонамеренность».

Центральные герои романа – Рассказчик-литератор и его приятель Глумов (Салтыков «возрождает» героя комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»), подобно премудрому пискарю, намереваются «годить» – отсидеться и переждать опасное время. Люди культуры, склонные к умственным занятиям, они предаются исключительно «телесным упражнениям»: едят, спят и играют в карты. Однако политическая благонадежность требовала подтверждений в форме предательства, шпионства, уголовных преступлений. Путь своих героев Салтыков представляет как неуклонное падение, пределом которого становится их сотрудничество в газете «Словесное Удобрение». Воспитанные на либеральных ценностях персонажи оказываются недостойны собственных идеалов, но в финале писатель оставляет им шанс на возрождение. Важную роль в романе играет персонифицированная категория Стыда. Стыд трижды является героям, которые с первого раза не успевают «даже рассмотреть, каков он из себя» (15–1, с. 246), однако последнее явление Стыда становится решающим. Финал романа остается открытым, героям предстоит сделать свой выбор уже за пределами романного действия, но сама эта открытость выражает желание и надежду автора. Салтыков, гротескно изобразивший «современную идиллию», залогом которой оказывается утрата человеческого облика, стремится внушить читателю мысль о том, что «гиенское» (звериное) не вечно, что «человеческое» всегда и неизбежно должно восторжествовать над «гиенским». Именно в этом писатель видел смысл своей деятельности.

В последние годы жизнь Михаила Евграфовича Салтыкова, небогатая внешними впечатлениями, определялась болезнью. Казалась бы, болезнь должна была целиком поработить человека и лишить его творческой энергии и сил, но, вопреки физическим страданиям, талант писателя не ослабевал и раскрывался новыми гранями. Салтыков печально замечал, что после запрещения в 1884 году «Отечественных записок» «утратил юмор». Действительно, его про-

изведения последнего периода в большинстве своем лишены искрометного смеха, в них преобладает трагический элемент, но в художественном отношении эти изменения знаменовали новый виток творческой эволюции.

Последним завершенным произведением Салтыкова стала хроника «Пошехонская старина», возвращавшая к чудовищным временам крепостного права. Но работая над «Пошехонской стариной», Салтыков задумывает новое произведение, от которого сохранился лишь небольшой фрагмент: «Серое небо, серая даль, наполненная скитающимися серыми призраками. В сереющем окрест болоте кишат и клубятся серые гады; в сером воздухе беззвучно реют серые птицы; даже дорога словно серым пеплом усыпана» (17, с. 463). В эсхатологических тонах выполнен дошедший до нас эскиз. Но благодаря воспоминаниям современников мы узнаем, что в последнем замысле писателя все-таки жила его юношеская мечта о «золотом веке», который «находится не позади, а впереди нас»: обращаясь к сознанию своих современников, он намеревался напомнить русскому обществу забытые им слова – «совесть, отечество, человечество»¹¹...

Михаил Евграфович Салтыков скончался 28 апреля 1889 года и, согласно его завещанию, был похоронен на «Литераторских мостках» Волкова кладбища рядом с могилой И.С. Тургенева (в 1936 году прах и памятник были перенесены).

Как складывался сказочный цикл

История создания сказочного цикла показывает, что первоначально Салтыков не использовал понятие «сказка». Известный нам сегодня сказочный свод не задумывался как таковой, но складывался постепенно. В 1869 году писатель намеревался «издать книжку для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихотворений» Н.А. Некрасова. Однако он хотел понять, нужна ли такая книга читателям, и поэтому сделал предварительную публикацию нескольких рассказов под рубрикой «Для детей» во втором и третьем номерах журнала «Отечественные записки». Три рассказа – «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил (Писано со слов коллежского советника Рудомазина)», «Пропала совесть» и «Годовщина» – были напечатаны во втором номере¹²; два – «Дикий помещик (Писано со слов помещика Светлоокова)» и «Добрая душа» – в третьем¹³, «Испорченные дети» – в девятом¹⁴. Рассказы «Годовщина», «Добрая душа» и «Испорченные дети» при жизни Салтыкова не перепечатывались, три других вошли в сказочный цикл.

Слово «сказка» применительно к этим трем произведениям впервые появляется в 1878 году в названии сборника «Сказки и рассказы»¹⁵, впоследствии Салтыков объединил этим понятием и более поздние произведения, созданные в 1880–1886 годах. В 1880-м он задумал несколько «кукольных» рассказов, но написал только один – «Игрушечного дела людешки»¹⁶, который позже включил в сказочный цикл. В декабре 1882 года были написаны «Самоотверженный заяц», «Бедный волк» и «Премудрый пискарь», предназначенные для февральского номера «Отечественных записок» на 1883 год. Однако писатель опасался, что социальная острота этих сказок приведет к закрытию журнала, имевшего уже два цензурных предостережения, и не стал их печатать. Об этом он сообщал одному из корреспондентов: «...отважное отчаяние заставило меня их вырезать из книжки» (19–2, с. 184). Другому адресату писал:

¹¹ В частности Н.К. Михайловский так передавал замысел Салтыкова: «...были, знаете, слова: ну, совесть, отечество, человечество... другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать! Надо же напомнить...» (Михайловский Н.К. Критические опыты: [в 3 т.] Т. II. Щедрин. М.: типолит. т-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1890. С. 163–164).

¹² Отечественные записки. 1869. № 1–2. С. 591–617.

¹³ Отечественные записки. 1869. № 3–4. С. 123–139.

¹⁴ Отечественные записки. 1869. № 9. С. 273–310 (без рубрики).

¹⁵ Кроме сказок, в него вошли рассказы «Сон в летнюю ночь», «Дети Москвы» и сцена «Недовольные».

¹⁶ Отечественные записки. 1880. № 1. С. 251–280.

«Признаюсь, мне было очень жаль этих сказок...» (19–2, с. 263). В 1883 году сказки нелегально появились в России и в эмигрантской печати за границей¹⁷, причем публикаторы объединили их заголовком «Сказки для детей изрядного возраста», который самим автором не предполагался. В том же 1883 году отдельный оттиск вышел в Женеве под названием «Три сказки для детей изрядного возраста»¹⁸. В «Отечественных записках» эти произведения под рубрикой «Сказки» были опубликованы лишь в 1884 году¹⁹.

Условность понятия «сказка», объединившего все произведения, писатель подчеркивал названиями и подзаголовками. В названии это слово встречается лишь однажды – «Рождественская сказка», но от традиционных рождественских историй она отличается трагическим финалом. В подзаголовках слово «сказка» фигурирует в двух случаях: «Приключение с Крамольниковым» – «сказка-элегия» и «Ворон-челобитчик» – просто «сказка». Об условности жанрового обозначения свидетельствует реплика Салтыкова в письме к Н.А. Белоголовому от 21 сентября 1886 года, где он говорит о «Приключении с Крамольниковым» и «Деревенском пожаре»: «Посылаю Вам еще 2 рассказа. Желая, чтоб Вы хоть каплю удовольствия испытали, читая их» (20, с. 285–286).

Одна из особенностей творческого процесса Салтыкова, связанная с работой в журнале, состояла в том, что крупные его произведения – романы, циклы, сборники – вырастали из небольшого очерка или рассказа. Так было и со сказками, которые, несмотря на их внешнюю разнородность, имеют общие идейно-тематические и эстетические черты. Сам писатель подчеркивал принципиальную разницу между публикациями отдельных своих произведений в периодической печати и их завершенным воплощением в книге. В 1886 году он писал одному из корреспондентов: «Вообще я к журнальной работе отношусь теперь несколько иначе. К ней (а в особенности к газетной) всего менее применима поговорка *scripta manent*²⁰, и тот, кто не читал меня в книжке, слишком мало меня знает» (20, с. 295). Свои сказки он тоже хотел видеть в книжке и в 1886 году подготовил к печати сборник под названием «23 сказки»²¹, а в 1887 году дополнил этот свод «Рождественской сказкой». Характерное для щедринских сказок иносказание не только не скрывало, но отчетливее обнаруживало их критический смысл, что повлияло на судьбу отдельных произведений и цикла в целом. Самый полный прижизненный свод включал 28 текстов и был опубликован в седьмом томе подготовленного самим писателем собрания сочинений²². В него не вошли три сказки, разоблачавшие основы государственного правления и верховную власть («Медведь на воеводстве», «Орел-меценат», «Богатырь»²³), и «Вяленая вобла», которую Салтыков считал «невинной» (20, с. 320), но в 1884 году она была вырезана из «Отечественных записок», а в 1887-м, даже переработанная и под другим названием, также не увидела свет. Цензурные ограничения привели к тому, что полный авторизованный свод сказок так и не появился. Тот свод из 32 сказок, который известен по изданиям XX–XXI веков, был сконструирован исследователями с учетом времени написания и публикации отдельных произведений, его композиция в определенной степени повторяет самый полный прижизненный свод, но не идентична ему.

В большинстве сказок Салтыкова, как и в баснях, действуют животные, птицы и рыбы, и, подобно басням, сказки имеют иносказательный смысл, связанный с явлениями социальной

¹⁷ В Петербурге сказки были напечатаны вольной гектографией «Общественная польза», в Женеве – в газете «Общее дело» (№ 55).

¹⁸ Три сказки для детей изрядного возраста. Женева: М. Elpidine, libraire-ed., 1883.

¹⁹ Отечественные записки. 1884. № 1. С. 265–280.

²⁰ Написанное остается (*лат.*).

²¹ 23 сказки М.Е. Салтыкова М.Е. (Щедрина). СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1886.

²² Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина): [в 9 т.]. Т. VIII. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889.

²³ Сказка «Богатырь» впервые была опубликована лишь в 1922 году: Новая сказка М.Е. Салтыкова-Щедрина / Предисл. А.Е. Грузинского // Красный архив. 1922. № 2. С. 226–228.

жизни и поведенческой психологией. Нередко автор использует своего рода сказочный декор, вводя традиционные формулы и упоминания о сказочных персонажах: «жил-был»; «в некотором царстве, в некотором государстве»; «ни в сказке не сказать, ни пером описать» / «ни пером описать, ни в сказке не сказать», «добрый молодец», «тридевять земель», медведь Михаила Иванович; «дурак» Иванушка; Баба-Яга. Стилизованными сказочными зачинами открываются «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» («Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове»), «Недреманное око» («В некотором царстве, в некотором государстве жил-был...»), «Дурак» («В старые годы, при царе Горохе это было: у умных родителей родился сын дурак»), «Либерал» («В некоторой стране жил-был либерал...»), «Богатырь» («В некотором царстве Богатырь родился»).

Но по-настоящему сказочными, причудливо-фантастическими оказываются сюжеты большинства произведений: приключения голодных генералов на необитаемом острове; диспуты карася и щуки; объединение Добродетелей и Пороков на почве Лицемерия; «подвиги» медведей-воевод, пекущихся о приговоре Истории; пропагандирование вяленой воблой примитивных жизненных правил и др. Большинство сюжетов не связаны с фольклором, но сказки выполнены в народной речевой стилистике.

Писатель обильно использует элементы живой речи, насыщая тексты разговорно-просторечной лексикой (*привада, хабара, засоватъся, мамон, повадно* и др., очень часто встречается разговорное ну) и пословично-поговорочными оборотами. Паремийные изречения нередко вводятся в их первоначальном виде, как, например, «скромные афоризмы» воблушки: «тише едешь, дальше будешь», «маленькая рыбка лучше, чем большой таракан», «уши выше лба не растут», «двух смертей не бывает, одной не миновать». То же находим и в других сказках: «знаем, где раки зимуют», «иная простота хуже воровства», «первый блин вышел комом», «не в коня корм», «от стыда не знает, куда глаза девать» («Добродетели и Пороки»), «дурак на дураке сидит и дураком погоняет» («Медведь на воеводстве»), «не давши слова – крепись, а давши – держись» («Самоотверженный заяц»), «собаке – собачья и смерть» («Верный Трезор») и т. д.

Однако в некоторых случаях фольклорные формулы и привычные фразеологизмы вводятся в переработанном или юмористически обыгранном виде, в соответствии с образно-тематическими особенностями произведений: «...жизнь прожить – не то, что мутовку обливать», «Стал он раскидывать умом, которого у него была палата...» («Премудрый пискарь»), «Скоро сказка сказывается, а дело промежду зайцев еще того скорее делается» («Самоотверженный заяц»), «узнаем, как Кузькину тещу зовут» («Медведь на воеводстве»). Иногда Салтыков использует прием реализации устойчивого сочетания, разворачивая фразеологизм в буквальном значении: «Там Лицемерие всем главным наукам выучилось: и как по струнке ходить, и как водой не замутить, и как без мыла в душу влезть...» («Добродетели и Пороки»). Живой народный язык в его разнообразии и полноте сохранился на страницах щедринских сказок, но для понимания некоторых речевых оборотов требуется специальный комментарий. Так, в сказке «Орел-меценат» сова, призванная на совет к орлу, аргументирует необходимость наук и искусств тем, что «при них и орлам занятнее живется, да и со стороны посмотреть не зазорно. Ученье – свет, а неученье – тьма».

Спать-то да жрать всякий умеет, а вот поди разреши задачу: «Летело стадо гусей» – ан дома не скажешься». Общий смысл высказывания как будто понятен, но заключительный оборот может поставить современного читателя в тупик, если не знать, что неупотребительный ныне фразеологизм «ан дома не скажешься» означает «мало не покажется»²⁴.

²⁴ Благодарю М.В. Ахметову за содействие в толковании этого фразеологизма.

Социальное и общечеловеческое в сказочном преломлении

Салтыков, называвший себя «летописцем минуты», всегда очень остро реагировал на актуальные явления общественной жизни. Написанные в разное время, сказки становились откликом на вопросы, волновавшие русское общество в тот или иной период.

В конце 1860-х годов злободневным оставался вопрос о последствиях реформы, предоставившей личную свободу крепостным, но не избавившей их от экономической зависимости. Крестьяне должны были вносить выкуп за землю, а до этого владели ею по контрактам и договорам и считались временнообязанными (платили оброк или отработывали барщину), как герои поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» или персонажи, упоминаемые в сказке «Дикий помещик». По словам современной исследовательницы, «система выкупа, включая роль государственной власти как кредитора, ложилась тяжелым бременем на крестьян»²⁵. Вместе с тем в сказках Салтыкова, как и в поэме Некрасова, не только затрагивались вопросы экономического порядка, но изображалась психологическая зависимость как крестьян, так и помещиков от крепостнической морали. Так возникает у Салтыкова образ мужика, покорно вьющего веревку, чтобы генералы привязали его к дереву, – этот персонаж «готов, для увеселения начальства, сам себя в рабство задаром отдать», как сказано о подобном типе поведения в сказке «Игрушечного дела людишки». Так в другой сказке появляется образ помещика, утратившего рассудок и потерявшего облик человеческий, когда его лишили привычной обстановки. Подобные истории случались и в жизни. В 1875 году газета «Голос» поместила корреспонденцию из города Кашина Тверской губернии, в которой сообщалось, что в своей усадьбе зарезался помещик С.П. П-в, «холостяк, лет уже за пятьдесят, человек неглупый, но странный до чрезвычайности. По освобождении крестьян он <...> прогнал всех людей и зажил в одиночестве». Питался он хлебом, собранным еще крепостными, и утверждал, что другого есть не будет. Так и случилось: «...ел действительно до самой смерти хлеб, всыпанный в амбар еще крепостными руками <...> хотя он и слежался окончательно». Разбитый параличом, «благодаря своему упрямству и ненависти к новому времени, вечно один, без всякой горячей пищи и часто в нетопленной комнате <...> он кое-как переползал с места на место и звал к себе на помощь выстрелом из ружья <...>. Иногда придет женщина, ходившая за его коровами, иногда и нет. <...> В последнее время к нему уже никто не заезжал, даже не бывали и родные, с которыми он был в ссоре»²⁶. История о помещике, не принявшем новые условия хозяйствования, вполне могла быть известна вице-губернатору Салтыкову, который после своей отставки в январе 1862 года покинул Тверь лишь 19 апреля. Нельзя утверждать, что кашинский случай лег в основу сказки о диком помещике, но нет оснований и отрицать это. К тому же вполне вероятно, что подобные эпизоды происходили не только в Тверской губернии²⁷. Наряду с этим сказка о диком помещике имела и литературные истоки.

Буквальным предшественником щедринского помещика можно считать одного из персонажей сатирического журнала «Трутенъ», издававшегося в 1769–1770 годах Николаем Ивановичем Новиковым. Помещик Недоум «желал, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен...». Во избежание какого бы то ни было общения с людьми низкого звания, «сей вельможа, подобиясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою, или, лучше

²⁵ Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874 (К вопросу о выборе пути развития) // Великие реформы в России. 1856–1874. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 36.

²⁶ Голос. 1875. № 59. 28 февраля. С. 3. Благодарю М.В. Строганова, поделившегося со мной этой информацией.

²⁷ О том, что помещичье недовольство реформой принимало порой самые нелепые формы, свидетельствует сатирическая зарисовка А.К. Толстого в письме к Н.Ф. Крузе от 12 марта 1861 года о том, что в Орловской губернии якобы был пойман «генерал, в полной форме», который «совсем отвык говорить, а только очень внятно командовал». По предположениям, «он зиму провел под корнем сосны <...> и думают, что он питался сосаньем ботфорт» (Толстой А.К. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. И. Ямпольского. Т. 4. М.: Правда, 1969. С. 297).

сказать, он сделал дом свой домом бешеных, в котором, отдавая себе справедливость, добровольно заключился»²⁸. Легко заметить, что в сказке «Дикий помещик» Салтыков развивает намеченный Новиковым образный ряд. Щедринский помещик не имеет имени, но писатель перифрастически обыгрывает имя Недоум: в сказке лейтмотивной характеристикой персонажа становится слово «глупый», которое появляется уже в зачине и затем постоянно сопровождает рассказ о подвигах помещичьего непреклонства. «Глупый» помещик – это общая точка зрения: и автора, и генералов, и актера Садовского, и капитан-исправника, и крестьян, и даже господ Бога. Само понятие «дикий», характеризующее то состояние, до которого доходит щедринский помещик, заложено в новиковском тексте, но Салтыков разворачивает использованное им сравнение, создавая гротесковый образ. Если Недоум только подобен дикому медведю, то глупый помещик буквально дичает и входит в «дружеские сношения» с медведем. Просветитель Новиков одним из первых в русской литературе осмеял скудоумие и «безголовость» представителей правящего сословия. Эту традицию продолжает Салтыков, который в сказке «Дикий помещик», а еще жестче в романе «История одного города», реализовал мысль о безголовости власти и безумии социального поведения представителей правящего сословия.

В сказках 1880-х годов тема положения народа в пореформенной России сохраняется, но в формате совсем не сказочном, и в некоторых случаях это подчеркнуто подзаголовками: «Деревенский пожар» – «ни то сказка, ни то быль», «Путем-дорогою» – «разговор». В жанровом отношении это рассказы, к числу которых можно отнести и «Соседей». «Деревенский пожар» строится на резком контрасте двух совпадающих по времени, но несоизмеримых по своей сути событий – пожара, в котором погибает семилетний ребенок, сын вдовы-крестьянки, и праздника в усадьбе – именин вдовы-помещицы. Уравнивая семейный статус женских персонажей, Салтыков показывает разделяющую их пропасть. Реакция на пожар помещицы и ее окружения, в том числе служителя церкви, выявляет их абсолютное равнодушие к истинным нуждам крестьян. «Добрая барыня» заявляет: «...они – мои. Злые люди разлучили нас, – надеюсь, временно, – но я все-таки помню, что они – мои», однако эта декларативная забота о крестьянах и сочувствие материнскому горю оборачиваются ничтожной денежной подачкой.

В сказке содержатся и злободневные отсылки к политической ситуации 1880-х – практике доноительства, распространившейся после убийства Александра II. В «Письме седьмом» (цикл «Письма к тетеньке»), опубликованном в январе 1882 года, Салтыков говорит о всеобщем и поголовном шпионстве и доноительстве, «бесшабашной смеси глупости, распутства и предательства» (14, с. 339). Эта тема поднимается и в его эпистолярной. 11 августа 1882 года писатель иронизировал в письме Н.А. Белоголовому: «У нас здесь все тихо и благополучно, только шпионы одолели. Говорят, и в Финском заливе водятся. Я сам не купаюсь, но купальщики рассказывают: купаешься – и вдруг начнет вокруг шпион нырять и политические разговоры разговаривать» (19–2, с. 128). В сказке «Деревенский пожар» есть малозаметный персонаж Иван Иванович Глаз, «про которого говорили, что при нем язык за зубами держать надо», при этом автор замечает, что «тут были все люди, при которых тоже нужно было язык держать на привязи». Да и сама помещица, вернувшись из заграницы, «в последнее время делалась патриоткой» и «говорила, что она где-то “служит”».

В двух других сказках-рассказах поднимается актуальная в творчестве Салтыкова 1870-х – 1880-х годов тема развития капиталистических отношений в деревне – появление «мироедов да кабатчиков», которые становились новыми хозяевами жизни и разоряли крестьян: «Во всякой деревне мироед завелся; рвет христианские души, да и шабаш» («Путем-дорогою»). Такой тип в произведениях Салтыкова («Убежище Монрепо», «За рубежом», «Письма к тетеньке», «Пошехонские рассказы», «Недоконченные беседы») представлен собирательными образами Разуваева и Колупаева. В сказках это Иван Богатый, который предается «полезной праздно-

²⁸ Новиков Н.И. Избранное. М.: Правда, 1983. С. 106.

сти», а между тем только богатеет («Соседи»), и Василий Игнатьев, известный тем, что «взбодрил» себе «хоромы на христианскую кровь», – «и все к нему с почтением» («Путем-дорогою»).

Однако едва ли не более важной в сказках 1880-х годов оказывается тема социального поведения людей культурного слоя, в первую очередь либеральной интеллигенции, исповадовавшей идеи «свободы, обеспеченности и самостоятельности». Характеризуя 1880-е годы как время «смутное, неверное и жестокое», писатель показывает, что в условиях политической реакции интеллигенция забывает о своих идеалах. В цикле «Письма к тетеньке», где «тетенька» – иносказательное именование либеральной интеллигенции, Салтыков говорит об изменчивости ее поведения: «Помните ли вы, как мы с вами волновались? Это было так недавно. То расцветали надеждами, то увядали; то поднимали голову, как бы к чему-то прислушиваясь, то опускали ее долу, точно всё, что нужно, услышали; то устремлялись вперед, то жались к сторонке... И бредили, бредили, бредили – без конца!» (14, с. 247). Тактику культурных слоев русского общества, рассчитанную на выживание, Салтыков передает девизом «годить», что означает переждать, пересидеть плохие времена. Стремление выжить любой ценой присуще персонажам, представляющим разные слои интеллигенции в таких сказках, как «Премудрый пискарь», «Вяленая вобла», «Либерал», «Приключение с Крамольниковым». Персонажей трех последних сказок можно объединить понятием «пестрые». Развернутую характеристику этого типа Салтыков дает в «Пестрых письмах»: «Жизнь их представляет перепутанную, бессвязную и не согретую внутренним смыслом театральную пьесу, содержание которой исключительно исчерпывается переодеванием. Всем они в течение своей жизни были: и поборниками ежовой рукавицы, и либералами, и западниками, и народниками, даже “сицилистами”, как теперь говорят. Но нигде не оставили ни скрупула своей души, потому что оставить было нечего. Все их искусство всегда состояло в том, чтобы выждать потребный момент и как можно проворнее переодеться и загримироваться» (16–1, с. 376). Подобным образом ведет себя в одноименной сказке либерал, деградация которого показана сменой вербальных и поведенческих установок: от лозунга «по возможности» – через компромисс «хоть что-нибудь» – к окончательному «применительно к подлости». Перед лицом возможных репрессий он оказывается простым обывателем, без принципов и убеждений, – о таких «переодеваниях»-превращениях с горечью писал Салтыков. Для характеристики той небольшой части интеллигенции, чьи принципы не изменялись в зависимости от веяний времени, он использовал формулу «убежденные люди», констатируя вместе с тем обреченность их усилий: «Убежденные люди надрывались, мучались, метались, вопрошали и вместо ответа видели перед собой запертую дверь» («Вяленая вобла»).

Таков наделенный говорящей фамилией главный герой сказки-элегии «Приключение с Крамольниковым», «коренной пошехонский литератор», «горячо и страстно» преданный своей стране. «Как у всякого убежденного и верящего человека, у Крамольникова был внутренний храм, в котором хранилось сокровище его души. Он не прятал этого сокровища, не считал его своею исключительною собственностью, но расточал его. В этом, по его мнению, замыкался весь смысл человеческой жизни. Без этой деятельной силы, которая, наделяя человека потребностью источать из себя свет и добро, в то же время делает его способным воспринимать свет и добро от других, – человеческое общество уподобилось бы кладбищу». Слово «элегия» в подзаголовке не случайно: сказка имеет автопсихологическую основу и передает состояние самого Салтыкова после запрещения «Отечественных записок». Подобно Крамольникову, Салтыков не знал «никакой иной привязанности, кроме читателя, никакой иной радости, кроме общения с читателем», о чем не раз признавался в своих письмах. Поэтому особенно велико было его потрясение, когда, потеряв журнал, он ощутил себя в абсолютном вакууме. Несколько сгущая краски, он писал П.В. Анненкову 3 мая 1884 года: «Думал, что я на здоровье отечеству пописывал, а выходит, что на погибель. Думал, что я своим лицом действую, а выходит, что я начальником банды был. <...> И Пошехонье теперь думу думает: так вот он каков! Прежде,

бывало, живот у меня заболит – с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! А нынче – вон, с божьей помощью, какой переворот! – и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие!» (20, с. 14). Сокрушительное одиночество переживает и герой сказки, поняв, что те, кого он считал единомышленниками, выбрали «общий торный путь» и предпочли жить «помаленьку да полегоньку»: «...там и сям раздавалось развязное гуденье. То было гуденье либералов, недавних друзей его. Одних он обгонял, другие шли навстречу. Но увы! никакого оттенка участия не виделось на их лицах. Напротив, на них уже успела лечь тень отступничества». Вопрос о роли литературы, в том числе периодической печати, и ее влиянии на общество поднимается и в сказке «Обманщик-газетчик и легковёрный читатель». Упоминания о газетно-журнальной ситуации и отсылки к реальным изданиям появляются в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Диком помещике», «Добродетелях и Пороках» и др. К этой теме имеют отношение также «Верный Трезор» и «Вяленая вобла», но их конкретноисторический подтекст требует специального комментирования²⁹. Двоедушие, приспособленчество, предательство, уход от насущных проблем и забота о собственном благополучии – таковы моральные свойства персонажей сказок – людей культуры. Однако горько-иронический тон этих сказок не отменяет того, что именно с интеллигенцией были связаны надежды писателя. В 1886 году, в то же время, когда создавались сказки, он писал во введении к циклу «Мелочи жизни»: «Не будь интеллигенции, мы не имели бы ни понятия о чести, ни веры в убеждения, ни даже представления о человеческом образе» (17, с. 12–13).

Темы и сюжеты сказок определялись общественно-политическими перипетиями, но социальная конкретика не была самодовлеющей для писателя. Сказки Салтыкова имеют общечеловеческий смысл. Как писатель «убежденный», он стремился донести до читателей принципиально важные, с его точки зрения, мысли об основополагающих для жизни отдельного человека и общества в целом понятиях – совесть и правда.

Тема совести была задана уже в одной из первых сказок о том, что в обществе, где нет социальной справедливости, где царит ложь и обман, совесть оказывается «негодной ветошью», не просто ненужной, но обременительной. Изгнанница совесть находит приют в сердце «маленького русского дитяти»: «Растет маленькое дитя, а вместе с ним растет в нем и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама» («Пропала совесть»). В 1880-х годах писатель возвращается к этой теме в сказке «Дурак», герой которой Иванушка – это олицетворенная совесть: «маленькое русское дитя», в сердце которого она поселилась. С ранних лет он отличался от окружающих и, когда подрос, остался странным: не понимал права собственности, личной выгоды – всего, что было важно для других: «Таких пор в его организме не существовало, через которые подлая мысль заползти бы могла. Сама природа ему это дала». Исторической подоплекой этого образа стали судьбы молодых людей 1870-х годов – участников «хождения в народ».

В советское время принято было трактовать политические взгляды Салтыкова как революционные, но это не отвечало позиции самого писателя. В цикле «Итоги» он писал, что в истории действует «закон последовательного развития одних явлений из других» (13, с. 389) – это формула эволюционного развития общества. Исторические явления подготавливаются всем ходом жизни людей, история совершается не по воле человека, но его деятельность оказывается необходимым элементом движения истории. Салтыков отвергал революционные методы общественного переустройства и был противником как правительственного, так и антиправительственного террора. Однако он сочувственно относился к стремлению молодежи

²⁹ См.: Бухштаб Б.Я. Сказка Щедрина «Верный Трезор» // Бухштаб Б.Я. Литературоведческие исследования. М.: Современник. 1982. С. 127–141; Алякринская М.А. Иносказание и текстовые аллюзии в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Вяленая вобла» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 120–129.

изменить жизнь народа. Об этом дает представление письмо девятое из «Пестрых писем», где в признаниях рассказчика явно звучит голос автора: «Я живо помню время, когда впервые народилась идея хождения в народ. В основе этой идеи лежала отнюдь не пропаганда “науки преступлений” <...>, а внесение луча света в омертвелые массы, подъем народного духа. Распространение грамотности и здоровых понятий о силах природы и отношениях к ним человека – вот что стояло на первом плане. <...>»

Я не принимал в этом движении непосредственного участия <...>, но всегда относился к нему с сочувствием. Кроме прямой пользы для народа и для правящих классов, я не видел никаких угроз в будущем» (16–1, с. 378).

Во второй половине 1870-х годов проходили политические процессы над участниками этого движения. В ходе следствия некоторые из них умирали, сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. Печальны были и судьбы остальных, которых приговаривали к каторге, ссылке или тюремному заключению. Такой поворот намечен и в сюжетной линии Иванушки, героя сказки «Дурак». Он надолго исчезает, а вернувшись под родительский кров, замолкает навсегда. Это молчание не только символизирует безуспешность его деятельности, но и означает, что совесть героя, не желавшего мириться с несправедливостью, по-прежнему жива. Образ же «маленького русского дитяти» снова появляется в «Рождественской сказке», герой которой, сын небогатой помещицы десятилетний Сережа Русланцев, потрясенный церковной проповедью, всем сердцем принимает мысль о любви к ближнему своему.

Теме правды, которая лейтмотивом проходит через весь цикл, посвящены сказки «Карась-идеалист», «Путем-дорогою» (первоначальное название – «Правда»), «Приключение с Крамольниковым», «Христова ночь», «Ворон-челобитчик», «Рождественская сказка». В сказочном цикле слово «правда» выступает в разных своих значениях: как антоним лжи и плутовства, как подтверждение истинности сказанного, как вводное слово, но главным образом – как категория, определяющая основы жизни, причем трактуется она по-разному. С одной стороны, есть физиологическая «воблушкина правда» – та «вожделенная правда, которая помогает нынешний день пережить, а об завтрашнем – не загадывать», иначе говоря, правда борьбы за выживание, в которой, как водится, побеждает сильнейший. Об этом напрямую говорится в сказках, где действуют животные, птицы и рыбы. Волк, «кроме мясного, – ни-ни!», поэтому «коли положено волку на свете быть, стало быть, и прокормить он себя право имеет», имеет право разбойничать и лишать жизни другие существа («Бедный волк»). Карасю ракушки «самой природой <...> для еды предоставлены» («Карась-идеалист»). Орлы «хищны, плотоядны, но имеют в свое оправдание, что сама природа устроила их исключительно антивегетарианцами» («Орел-меценат»). «Всякому <...> зверю свое житье предоставлено. Волку – волчье, льву – львиное, зайцу – заячье» («Здравомысленный заяц»). Все эти и подобные высказывания можно обобщить репликой ястреба в сказке «Орел-меценат»: «...вы кормиться хотите – и мы кормиться хотим. Кабы вы были сильнее – вы бы нас ели, а мы сильнее – мы вас едим».

Торжество зоологической правды можно видеть и в некоторых сказках, где в качестве персонажей выступают люди («Соседи», «Путем-дорогою»). Вместе с тем утверждение, что у каждого своя правда, получает здесь социально-этическое истолкование: «...коли господа добрые, жалостливые – это их правда. А коли мы, рабочие, усердно господам служим, не обманываем, стараемся – это наша правда».

Спасибо и на том, ежели всякий свою правду наблюдает». Такого рода социальная гармония как будто намечена в «Рождественской сказке», но благостное впечатление разрушается детским вопросом, адресованным слуге: «Отчего, например, мы с мамой в столовой чай пьем, а вы в кухне? разве это правда?» Той маленькой правде, которая у каждого своя, противопоставлена идея большой общей Правды. Все сказки цикла связывает мысль о «единой и для всех обязательной Правде», которая «весь мир осияет». Именно о такой Правде говорят щедринские правдоискатели: карась-идеалист, который хочет, чтобы «все были бы счастливы», «ворон-

челобитчик», пекущийся не о себе, но обо всем вороньем роде, мужики Иван да Федор и упоминаемый ими старик Еремеич, который «еще при старом барине все Правды искал» («Путем-дорогою»), и герой «Рождественской сказки» Сережа Русланцев, в образе которого соединились две главные этические темы цикла – о совести и правде.

Салтыков, воспитанный в лоне православия, скептически воспринимал обрядовую сторону религии, но всегда следовал основным положениям христианской этики и утверждал их в своем творчестве. В «Пошехонской старине» рассказчик признается, какое очеловечивающее воздействие оказало на него Евангелие, посеявшее в сердце «зачатки общечеловеческой совести» (17, с. 70–71) Такой переворот происходит и с героем «Рождественской сказки», всем существом принявшим заповедь «...будем любить Бога и друг друга...» В той реальности, которую писатель изображал в своих произведениях, в том числе и в сказках, эта правда оказывается лишь идеалом и мечтой. По словам крестьян, она в церкви «на всех стенах <...> написана, только со стены-то ее не снимешь». Но само появление персонажей, взывающих Правды («дурак» Иванушка, Сережа Русланцев, крестьяне Иван и Федор), оставляет надежду на приближение к этой мечте. Глубокий и серьезный мыслитель, Салтыков, разумеется, понимал недостижимость идеала, не строил грандиозных планов относительно светлого и прекрасного будущего, но считал, что необходимо снова и снова напоминать людям слова, вызывающие к «общечеловеческой совести», пробуждающие самосознание, утверждающие ответственность человека перед самим собой и перед другими людьми, – и это должно стать нравственной основой общественных изменений.

Сказки печатаются по изданию: *Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 16–1. М.: Художественная литература, 1974.* По сравнению с этим изданием сказки заново прокомментированы; в тех случаях, когда пунктуация в этом издании не соответствует современным нормам, знаки препинания ставятся так, как это принято в наши дни. Орфографические несоответствия (например, «пискарь» вместо «пескарь») объяснены в постраничных комментариях. Не отвечающее современным нормам написание сохранено в единственном случае – в подзаголовке сказки «Путем-дорогою»: «ни то сказка, ни то быль».оборот «не то сказка, не то быль» имеет значение «то ли сказка, то ли быль». Использование частицы «ни» может говорить о том, что смысл подзаголовка заключается в другом – ни сказка, ни быль³⁰.

В комментариях приняты следующие сокращения: *разг.* (разговорное), *прост.* (просторечное), *книжн.* (книжное), *ирон.* (ироническое), *обл.* (областное), *устар.* (устаревшее).

Издание проиллюстрировано 45 рисунками 1930–1980-х годов, которые хранятся в фондах Тверского государственного объединенного музея. Авторы работ – А.М. Каневский (1898–1976), В.Д. Медведев (1912–1985), Н.Е. Муратов (1908–1992), Л.М. Непомнящий (1939–2023), В.В. Окунь (1949–2022), В.П. Панов (1931–2007), Е.М. Сидоркин (1930–1982), М.А. Таранов (1909–1973), М.М. Черемных (1890–1962).

Е.Н. Строганова

³⁰ См. об этом: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=1110>

Сказки

Н.А. Ярошенко. Портрет М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1886 г.

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала³¹, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

– Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, – сказал один генерал, – вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это – да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

– Господи! да что ж это такое! где мы! – вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

– Теперь бы кофейку испить хорошо! – молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

– Что же мы будем, однако, делать? – продолжал он сквозь слезы, – ежели теперича доклад написать – какая польза из этого выйдет?

– Вот что, – отвечал другой генерал, – подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

– Вот что, ваше превосходительство, вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! – сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов учителем каллиграфии³² и, следовательно, был поумнее.

Сказано – сделано. Пошел один генерал направо и видит – растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть – ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую!» – подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес – а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

³¹ Речь идет о штатских генералах – действительных статских советниках (по Табели о рангах чин IV класса).

³² Кантонисты (из нем. или фр.: военнообязанный) – сыновья низших воинских чинов, приписанные к военному ведомству и обязанные нести военную службу; в 1856 году эта практика была отменена.

– Господи! еды-то! еды-то! – сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить. Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

– Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

– Да вот нашел старый нумер «Московских ведомостей»³³, и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

– Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? – сказал один генерал.

– Да, – отвечал другой генерал, – признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде роятся, как их утром к кофею подают!

– Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

– Как все это сделать? – словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями³⁴ и другим салатом.

– Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! – сказал один генерал.

– Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! – вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

– С нами крестная сила! – сказали они оба разом, – ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

– Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! – проговорил один генерал.

– Начинайте! – отвечал другой генерал.

– Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

– Станный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

– Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

– Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать – и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

– Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, – начал опять один генерал.

– Как так?

– Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

³³ Газета «Московские ведомости» с конца 1860-х годов отличалась консервативной направленностью.

³⁴ Пйкули (от *англ.* pickles – соленья, маринады) – мелкие маринованные овощи, которые используются для добавления к различным блюдам или как самостоятельная закуска.

В.В. Окунь. Иллюстрация к сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». 1985 г.

- Тогда что ж?
- Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...
- Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить, и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, – читал взволнованным голосом один генерал, – у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая»³⁵, и питомец лесов кавказских, – фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

– Тьфу ты, Господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? – воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

«Из Тулы³⁶ пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

– Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! – прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожиллов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, – все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

– А что, ваше превосходительство, – сказал он радостно, – если бы нам найти мужика?

– То есть как же... мужика?

– Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

– Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

– Как нет мужика – мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины³⁷ навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

– Спишь, лежебок! – накинулись они на него, – небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

³⁵ Цитата из стихотворения Г.Р. Державина «Приглашение к обеду».

³⁶ Здесь и далее упомянуты города, где служил писатель: Тула, Вятка, Пенза, Рязань.

³⁷ Мякина – остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье. Кислая овчина – худший сорт овчины – шкуры, снятой с овец старше 6 месяцев и подвергшейся закваске.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле – и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку – и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришлось даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами – нигде не пропадешь!»

– Довольны ли вы, господа генералы? – спрашивал между тем мужичина-лежебок.

– Довольны, любезный друг, видим твое усердие! – отвечали генералы.

– Не позволите ли теперь отдохнуть?

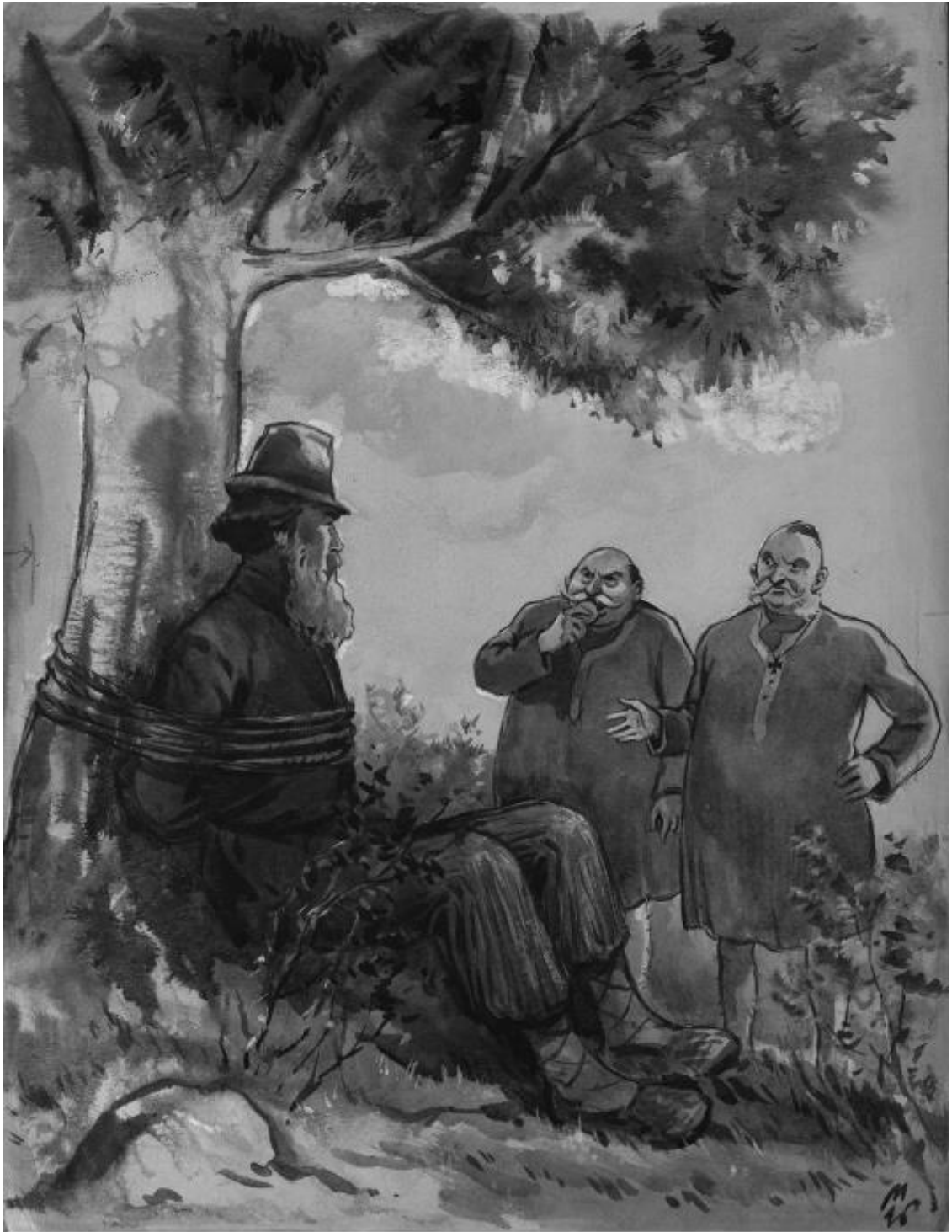
– Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял – и к вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убег, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

– А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение³⁸, или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

³⁸ Вавилонское столпотворение (столп – столб, башня; творение – построение) – библейская история о том, что после потопа люди решили построить башню до неба, но Бог разрушил ее; после этого единый в прошлом народ, говоривший на одном языке, рассеялся по земле – возникли разные языки и люди перестали понимать друг друга (Быт. 11:1–9).

В.Д. Медведев. Иллюстрация к сказке «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил». 1946 г.

– Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

– Стало быть, и потоп был?

– И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более что в «Московских ведомостях» повествуют...

– А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут нумер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани – и ничего, не тошнит!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаше и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

– Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? – спрашивал один генерал другого.

– И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! – отвечал другой генерал.

– Хорошо-то оно хорошо здесь – слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

– Еще как жалко-то! Особливо, как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

– А ведь мы с Подьяческой генералы! – обрадовались генералы.

– А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит – это он самый я и есть! – отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль – не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

– Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! – сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

– Будьте покойны, господа генералы, не впервой! – отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство – этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли – того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра³⁹: веселись, мужичина!

³⁹ Пятак серебра – серебряная монета достоинством пять копеек.

Пропала совесть

Пропала совесть. По-старому толпились люди на улицах и в театрах; по-старому они то догоняли, то перегоняли друг друга; по-старому суетились и ловили на лету куски, и никто не догадывался, что чего-то вдруг стало недоставать и что в общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка. Многие начали даже чувствовать себя бодрее и свободнее. Легче делался ход человека: ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее лстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. Всякую *болезнь* вдруг как рукой сняло; люди не шли, а как будто неслись; ничто не огорчало их, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее – все, казалось, так и отдавалось им в руки, – им, счастливым, не заметившим о пропаже совести.

Совесть пропала вдруг... почти мгновенно! Еще вчера эта надоедливая приживалка так и мелькала перед глазами, так и чудилась возбужденному воображению, и вдруг... ничего! Исчезли досадные призраки, а вместе с ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой обличительница-совесть. Оставалось только смотреть на божий мир и радоваться: мудрые мира поняли, что они, наконец, освободились от последнего ига, которое затрудняло их движения, и, разумеется, поспешили воспользоваться плодами этой свободы. Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось вообще разорение.

А бедная совесть лежала между тем на дороге, истерзанная, оплеванная, затоптанная ногами пешеходов. Всякий швырял ее, как негодную ветошь, подальше от себя; всякий удивлялся, каким образом в благоустроенном городе, и на самом бойком месте, может валяться такое вопиющее безобразие. И Бог знает, долго ли бы пролежала таким образом бедная изгнанница, если бы не поднял ее какой-то несчастный пропоец, позарившийся с пьяных глаз даже на негодную тряпицу в надежде получить за нее шкалик⁴⁰.

И вдруг он почувствовал, что его пронизала словно электрическая струя какая-то. Мутными глазами начал он озиаться кругом и совершенно явственно ощутил, что голова его освобождается от винных паров и что к нему постепенно возвращается то горькое сознание действительности, на избавление от которого были потрачены лучшие силы его существа. Сначала он почувствовал только страх, тот тупой страх, который повергает человека в беспокойство от одного предчувствия какой-то грозящей опасности; потом всполошилась память, заговорило воображение. Память без пощады извлекала из тьмы постыдного прошлого все подробности насилий, измен, сердечной вялости и неправд; воображение облакало эти подробности в живые формы. Затем, сам собой, проснулся суд...

Жалкому пропойцу все его прошлое кажется сплошным безобразным преступлением. Он не анализирует, не спрашивает, не соображает: он до того подавлен вставшею перед ним картиною его нравственного падения, что тот процесс самоосуждения, которому он добровольно подвергает себя, бьет его несравненно сильнее и строже, нежели самый строгий людской суд. Он не хочет даже принять в расчет, что большая часть того прошлого, за которое он себя так клянет, принадлежит совсем не ему, бедному и жалкому пропойцу, а какой-то тайной, чудовищной силе, которая крутила и вертела им, как крутит и вертит в степи вихрь ничтожною былинкою. Что такое его прошлое? почему он прожил его так, а не иначе? что такое он сам? – все это такие вопросы, на которые он может отвечать только удивлением и полнейшею бессознательностью. Иго строило его жизнь; под игом родился он, под игом же сойдет и в могилу. Вот, пожалуй, теперь и явилось сознание – да на что оно ему нужно? затем ли оно пришло, чтоб безжалостно поставить вопросы и ответить на них молчанием? затем ли, чтоб погубленная жизнь вновь хлынула в разрушенную храмину, которая не может уже выдержать наплыва ее?

⁴⁰ Шкалик – устаревшая мера объема, обычно алкоголя; примерно 60 мл.

Увы! проснувшееся сознание не приносит ему с собой ни примирения, ни надежды, а встрепенувшаяся совесть указывает только один выход – выход бесплодного самообвинения. И прежде кругом была мгла, да и теперь та же мгла, только населившаяся мучительными привидениями; и прежде на руках звенели тяжелые цепи, да и теперь те же цепи, только тяжесть их вдвое увеличилась, потому что он понял, что это цепи. Льются рекой бесполезные пропойцевы слезы; останавливаются перед ним добрые люди и утверждают, что в нем плачет вино.

– Батюшки! не могу... несносно! – криком кричит жалкий пропоец, а толпа хохочет и глумится над ним.

Она не понимает, что пропоец никогда не был так свободен от винных паров, как в эту минуту, что он просто сделал несчастную находку, которая разрывает на части его бедное сердце. Если бы она сама набрела на эту находку, то уразумела бы, конечно, что есть на свете горесть, лютейшая всех горестей, – это горесть внезапно обретенной совести. Она уразумела бы, что и она – настолько же подъяремная и изуродованная духом толпа, насколько подъяремен и нравственно искажен взывающий перед нею пропоец.

«Нет, надо как-нибудь ее сбыть! а то с ней пропадешь, как собака!» – думает жалкий пьяница и уже хочет бросить свою находку на дорогу, но его останавливает близь стоящий жомалый⁴¹.

– Ты, брат, кажется, подбрасыванием подметных пасквилей⁴² заниматься вздумал! – говорит он ему, грозя пальцем, – у меня, брат, и в части за это посидеть недолго!

Пропоец проворно прячет находку в карман и удаляется с нею. Озираясь и крадучись, приближается он к питейному дому, в котором торгует старинный его знакомый, Прохорыч. Сначала он заглядывает потихоньку в окошко и, увидев, что в кабаке никого нет, а Прохорыч один-одинехонек дремлет за стойкой, в одно мгновение ока растворяет дверь, вбегает, и прежде, нежели Прохорыч успеет опомниться, ужасная находка уже лежит у него в руке.

Некоторое время Прохорыч стоял с вытаращенными глазами; потом вдруг весь вспотел. Ему почему-то померещилось, что он торгует без патента; но, оглядевшись хорошенько, он убедился, что все патенты, и синие, и зеленые, и желтые, налицо. Он взглянул на тряпицу, которая очутилась у него в руках, и она показалась ему знакомою.

«Эге! – вспомнил он, – да, никак, это та самая тряпка, которую я насилу сбыл перед тем, как патент купить! да! она самая и есть!»

Убедившись в этом, он тотчас же почему-то сообразил, что теперь ему разориться надо.

– Коли человек делом занят, да этакая пакость к нему привяжется, – говори, пропало! никакого дела не будет и быть не может! – рассуждал он почти машинально и вдруг весь затрясся и побледнел, словно в глаза ему глянул неведомый дотоле страх.

– А ведь куда скверно спаивать бедный народ! – шептала проснувшаяся совесть.

– Жена! Арина Ивановна! – вскрикнул он вне себя от испуга.

Прибежала Арина Ивановна, но как только увидела, какое Прохорыч сделал приобретение, так не своим голосом закричала: «Караул! батюшки! грабят!»

«И за что я, через этого подлеца, в одну минуту всего лишиться должен?» – думал Прохорыч, очевидно, намекая на пропойца, всучившего ему свою находку. А крупные капли пота между тем так и выступали на лбу его.

Между тем кабак мало-помалу наполнялся народом, но Прохорыч, вместо того, чтоб с обычною любезностью потчевать посетителей, к совершенному изумлению последних не только отказывался наливать им вино, но даже очень трогательно доказывал, что в вине заключается источник всякого несчастья для бедного человека.

⁴¹ Жомалый – здесь: низший полицейский чин.

⁴² Подметный пасквиль – тайно подброшенный текст клеветнического характера.

– Коли бы ты одну рюмочку выпил – это так! это даже полезно! – говорил он сквозь слезы, – а то ведь ты норовишь, как бы тебе целое ведро сожрать! И что ж? сейчас тебя за это самое в часть сволокут; в части тебе под рубашку засыпят, и выдешь ты оттоль, словно кабы награду какую получил! А и всей-то твоей награды было сто лозанов! Так вот ты и подумай, милый человек, стоит ли из-за этого стараться, да еще мне, дураку, трудовые твои денежки платить!

– Да что ты, никак, Прохорыч, с ума спятил! – говорили ему изумленные посетители.

– Спятишь, брат, коли с тобой такая оказия случится! – отвечал Прохорыч, – ты вот лучше посмотри, какой я нынче патент себе выправил!

Прохорыч показывал всученную ему совесть и предлагал, не хочет ли кто из посетителей воспользоваться ею. Но посетители, узнавши, в чем штука, не только не изъявляли согласия, но даже боязливо сторонились и отходили подальше.

– Вот так патент! – не без злобы прибавлял Прохорыч.

– Что ж ты теперь делать будешь? – спрашивали его посетители.

– Теперича я полагаю так: остается мне одно – помереть! Потому обманывать я теперь не могу; водкой спаивать бедный народ тоже не согласен; что же мне теперича делать, кроме как помереть?

– Резон! – смеялись над ним посетители.

– Я даже так теперь думаю, – продолжал Прохорыч, – всю эту посудину, какая тут есть, перебить и вино в канаву вылить! Потому, коли ежели кто имеет в себе эту добродетель, так тому даже самый запах сивушный может нутро перевернуть!

– Только смей у меня! – вступилась наконец Арина Ивановна, сердца которой, по-видимому, не коснулась благодать, внезапно осенившая Прохорыча, – ишь добродетель какая выискалась!

Но Прохорыча уже трудно было пронять. Он заливался горькими слезами и все говорил, все говорил.

– Потому, – говорил он, – что ежели уж с кем это несчастье случилось, тот так несчастным и должен быть. И никакого он об себе мнения, что он торговец или купец, заключить не смеет. Потому что это будет одно его напрасное беспокойство. А должен он о себе так рассуждать: «Несчастный я человек в сем мире – и больше ничего».

Таким образом в философических упражнениях прошел целый день, и хотя Арина Ивановна решительно воспротивилась намерению своего мужа перебить посуду и вылить вино в канаву, однако они в тот день не продали ни капли. К вечеру Прохорыч даже развеселился и, ложась на ночь, сказал плачущей Арине Ивановне:

– Ну вот, душенька и любезнейшая супруга моя! хоть мы и ничего сегодня не нажили, зато как легко тому человеку, у которого совесть в глазах есть!

И действительно, он, как лег, так сейчас и уснул. И не метался во сне, и даже не храпел, как это случалось с ним в прежнее время, когда он наживал, но совести не имел.

Но Арина Ивановна думала об этом несколько иначе. Она очень хорошо понимала, что в кабацком деле совесть совсем не такое приятное приобретение, от которого можно было бы ожидать прибытка, и потому решила во что бы то ни стало отделаться от непрошеной гостьи. Скрепя сердце, она переждала ночь, но как только в запыленные окна кабака забрезжил свет, она выкрала у спящего мужа совесть и стремглав бросилась с нею на улицу.

Как нарочно, это был базарный день: из соседних деревень уже тянулись мужики с возами, и квартальный надзиратель⁴³ Ловец самолично отправлялся на базар для наблюдения за порядком. Едва завидела Арина Ивановна поспешающего Ловца, как у ней блеснула уже в

⁴³ Квартальный надзиратель (или квартальный) – полицейский, который следил за порядком в определенном квартале города.

голове счастливая мысль. Она во весь дух побежала за ним, и едва успела поравняться, как сейчас же, с изумительной ловкостью, сунула потихоньку совесть в карман его пальто.

Ловец был малый не то чтоб совсем бесстыжий, но стеснять себя не любил и запускать лапу довольно свободно. Вид у него был не то чтоб наглый, а *устремительный*. Руки были не то чтоб слишком озорные, но охотно зацепляли все, что попадалось по дороге. Словом сказать, был лихоимец⁴⁴ порядочный.

И вдруг этого самого человека начало коробить.

Пришел он на базарную площадь, и кажется ему, что все, что там ни наставлено, и на возах, и на рундуках, и в лавках, – все это не его, а чужое. Никогда прежде этого с ним не бывало. Протер он себе бесстыжие глаза и думает: «Не очумел ли я, не во сне ли все это мне представляется?» Подошел к одному возу, хочет запустить лапу, а лапа не поднимается; подошел к другому возу, хочет мужика за бороду вытрясти – о, ужас! длани не простираются!

Испугался.

«Что это со мной нынче сделалось? – думает Ловец, – ведь таким манером, пожалуй, и напередки все дело себе испорчу! Уж не воротиться ли за добра ума⁴⁵ домой?»

Однако понадеялся, что, может быть, и пройдет. Стал погуливать по базару; смотрит, лежит всякая живность, разостланы всякие материи, и все это как будто говорит: «Вот и близок локоть, да не укусишь!»

А мужики между тем осмелились: видя, что человек очумел, глазами на свое добро хлопает, стали шутки шутить, стали Ловца Фофаном Фофанычем звать.

– Нет, это со мною болезнь какая-нибудь! – решил Ловец и так-таки без кульков, с пустыми руками, и отправился домой.

Возвращается он домой, а Ловчиха-жена уж ждет, думает: «Сколько-то мне супруг мой любезный нынче кульков принесет?» И вдруг – ни одного. Так и закипело в ней сердце, так и накинута она на Ловца.

– Куда кульки девал? – спрашивает она его.

– Перед лицом моей совести свидетельствуюсь... – начал было Ловец.

– Где у тебя кульки, тебя спрашивают?

– Перед лицом моей совести свидетельствуюсь... – вновь повторил Ловец.

– Ну так и обедай своею совестью до будущего базара, а у меня для тебя нет обеда! – решила Ловчиха.

Понурил Ловец голову, потому что знал, что Ловчихино слово твердое. Снял он с себя пальто – и вдруг словно преобразился совсем! Так как совесть осталась вместе с пальто на стенке, то сделалось ему опять и легко, и свободно, и стало опять казаться, что на свете нет ничего чужого, а всё его. И почувствовал он вновь в себе способность глотать и загребать.

– Ну теперь вы у меня не отвертитесь, дружки! – сказал Ловец, потирая руки, и стал поспешно надевать на себя пальто, чтоб на всех парусах лететь на базар.

Но, о чудо! едва успел он надеть пальто, как опять начал корячиться. Просто как будто два человека в нем сделалось: один, без пальто, – бесстыжий, загребистый и лапистый; другой, в пальто, – застенчивый и робкий. Однако хоть и видит, что не успел за ворота выйти, как уж присмирел, но от намерения своего идти на базар не отказался. «Авось-либо, думает, превозмогу».

Но чем ближе он подходил к базару, тем сильнее билось его сердце, тем неотступнее сказывалась в нем потребность примириться со всем этим средним и малым людом, который из-за гроша целый день бьется на дождю да на слякоти. Уж не до того ему, чтоб на чужие кульки засматриваться; свой собственный кошелек, который был у него в кармане, сделался

⁴⁴ Лихоимец (*устар.*) – взяточник, вымогатель.

⁴⁵ За добра ума (*устар.*) – по-хорошему, по доброй воле.

ему в тягость, как будто он вдруг из достоверных источников узнал, что в этом кошельке лежат не его, а чьи-то чужие деньги.

– Вот тебе, дружок, пятнадцать копеек! – говорит он, подходя к какому-то мужику и подавая ему монету.

– Это за что же, Фофан Фофаныч?

– А за мою прежнюю обиду, друг! прости меня, Христа ради!

– Ну, Бог тебя простит!

Таким образом обошел он весь базар и роздал все деньги, какие у него были. Однако, сделавши это, хоть и почувствовал, что на сердце у него стало легко, но крепко призадумался.

– Нет, это со мною сегодня болезнь какая-нибудь приключилась, – опять сказал он сам себе, – пойду-ка я лучше домой, да кстати уж захвачу по дороге побольше нищих, да и накормлю их, чем Бог послал!

Сказано – сделано: набрал он нищих видимо-невидимо и привел их к себе во двор. Ловчиха только руками развела, ждет, какую он еще дальше проказу сделает. Он же потихоньку прошел мимо нее и ласково таково сказал:

– Вот, Федосьюшка, те самые странные люди⁴⁶, которых ты просила меня привести: покорми их, ради Христа!

Но едва успел он повесить свое пальто на гвоздик, как ему и опять стало легко и свободно. Смотрит в окошко и видит, что на дворе у него нищая братия со всего городу сбита! Видит и не понимает: «Зачем? неужто всю эту уйму сечь предстоит?»

– Что за народ? – выбежал он на двор в испуге.

– Как что за народ? это всё странные люди, которых ты накормить велел! – огрызнулась Ловчиха.

– Гнать их! в шею! вот так! – закричал он не своим голосом и, как сумасшедший, бросился опять в дом.

Долго ходил он взад и вперед по комнатам и все думал, что такое с ним случилось? Человек он был всегда исправный, относительно же исполнения служебного долга просто лев, и вдруг сделался тряпицею!

– Федосья Петровна! матушка! да свяжи ты меня, ради Христа! чувствую, что я сегодня таких дел наделаю, что после целым годом поправить нельзя будет! – взмолился он.

Видит и Ловчиха, что Ловцу ее круто пришлось. Раздела его, уложила в постель и напоила горяченьким. Только через четверть часа пошла она в переднюю и думает: «А посмотрю-ка я у него в пальто; может, еще и найдутся в карманах какие-нибудь грошики?» Обшарила один карман – нашла пустой кошелек; обшарила другой карман – нашла какую-то грязную, замасленную бумажку. Как развернула она эту бумажку – так и ахнула!

– Так вот он нынче на какие штуки пустился! – сказала она себе, – совесть в кармане завел!

И стала она придумывать, кому бы ей эту совесть сбыть, чтоб она того человека не в конец отяготила, а только маленько в беспокойство привела. И придумала, что самое лучшее ей место будет у отставного откупщика, а ныне финансиста и железнодорожного изобретателя⁴⁷, еврея Шмуля Давыдовича Бржоцкого.

– У этого, по крайности, шея толста! – решила она, – может быть, и побьется малое дело, а выдержит!

Решивши таким образом, она осторожно сунула совесть в штемпельный конверт, надписала на нем адрес Бржоцкого и опустила в почтовый ящик.

⁴⁶ Странные люди – странники.

⁴⁷ Имеется в виду изобретательность в получении концессий от правительства на строительство железных дорог, приносящих огромные доходы.

– Ну, теперь можешь, друг мой, смело идти на базар, – сказала она мужу, воротившись домой.

Самуил Давыдыч Бржоцкий сидел за обеденным столом, окруженный всем своим семейством. Подле него помещался десятилетний сын Рувим Самуилович и совершал в уме банкирские операции.

– А сто, папаса, если я этот золотой, который ты мне подарил, буду отдавать в рост по двадцати процентов в месяц, сколько у меня к концу года денег будет? – спрашивал он.

– А какой процент: простой или слозный? – спросил в свою очередь Самуил Давыдыч.

– Разумеется, папаса, слозный!

– Если слозный и с усеением дробей, то будет сорок пять рублей и семьдесят девять копеек!

– Так я, папаса, отдам!

– Отдай, мой друг, только надо благонадежный залог брать!

С другой стороны сидел Иосель Самуилович, мальчик лет семи, и тоже решал в уме своем задачу: летело стадо гусей; далее помещался Соломон Самуилович, за ним Давыд Самуилович и соображали, сколько последний должен первому процентов за взятые заимообразно леденцы. На другом конце стола сидела красивая супруга Самуила Давыдыча, Лия Соломоновна, и держала на руках крошечную Рифочку, которая инстинктивно тянулась к золотым браслетам, украшавшим руки матери.

Одним словом, Самуил Давыдыч был счастлив. Он уже собирался кушать какой-то необыкновенный соус, украшенный чуть не страусовыми перьями и брюссельскими кружевами, как лакей подал ему на серебряном подносе письмо.

Едва взял Самуил Давыдыч в руки конверт, как заметался во все стороны, словно угорь на углях.

– И сто зе это такое! и зацем мне эта весть! – завопил он, трясаясь всем телом.

Хотя никто из присутствующих ничего не понимал в этих криках, однако для всех стало ясно, что продолжение обеда невозможно.

Я не стану описывать здесь мучения, которые претерпел Самуил Давыдыч в этот памятный для него день; скажу только одно: этот человек, с виду тщедушный и слабый, геройски вытерпел самые лютые истязания, но даже пятиалтынного возратить не согласился.

– Это сто зе! это ницего! только ты крепче дерзи меня, Лия! – уговаривал он жену во время самых отчаянных пароксизмов, – и если я буду спрашивать скатулку – ни-ни! пусть луци умру!

Но так как нет на свете такого трудного положения, из которого был бы невозможен выход, то он найден был и в настоящем случае. Самуил Давыдыч вспомнил, что он давно обещал сделать какое-нибудь пожертвование в некоторое благотворительное учреждение, состоявшее в заведовании одного знакомого ему генерала, но дело это почему-то изо дня в день все оттягивалось. И вот теперь случай прямо указывал на средство привести в исполнение это давнее намерение.

Задумано – сделано. Самуил Давыдыч осторожно распечатал присланный по почте конверт, вынул из него щипчиками посылку, переложил ее в другой конверт, запрятал туда еще сотенную ассигнацию, запечатал и отправился к знакомому генералу.

– Зелаю, васе превосходительство, позертвование сделать! – сказал он, кладя на стол пакет перед обрадованным генералом.

– Что же-с! это похвально! – отвечал генерал, – я всегда это знал, что вы... как еврей... и по закону Давидову... Плясаше – играше...⁴⁸ так, кажется?

Генерал запутался, ибо не знал наверное, точно ли Давид издавал законы, или кто другой.

⁴⁸ Реминисценция из Библии (2 Цар. 6:21).

– Точно так-с; только какие же мы евреи, ваше превосходительство! – зашепел Самуил Давыдыч, уже совсем облегченный, – только с виду мы евреи, а в душе совсем-совсем русские!

– Благодарю! – сказал генерал, – об одном сожалею... как христианин... отчего бы вам, например?.. а?..⁴⁹

– Ваше превосходительство... мы только с виду... поверьте же-сти, только с виду!

– Однако?

– Ваше превосходительство!

– Ну, ну, ну! Христос с вами!

Самуил Давыдыч полетел домой словно на крыльях. В этот же вечер он уже совсем позабыл о претерпенных им страданиях и выдумал такую диковинную операцию ко всеобщему уязвлению, что на другой день все так и ахнули, как узнали.

И долго таким образом шаталась бедная изгнанная совесть по белому свету, и перебивалась она у многих тысяч людей. Но никто не хотел ее приютить, а всякий, напротив того, только о том думал, как бы отделаться от нее и хоть бы обманом, да сбыть с рук.

Наконец наскучило ей и самой, что негде ей, бедной, голову приклонить и должна она свой век проживать в чужих людях, да без пристанища. Вот и взмолилась она последнему своему содержателю, какому-то мещанинишке, который в проходном ряду пылью торговал и никак не мог от той торговли разжиться.

– За что вы меня тираните! – жаловалась бедная совесть, – за что вы мной, словно оты-малкой какой, помыкаете?

– Что же я с тобою буду делать, сударыня совесть, коли ты никому не нужна? – спросил, в свою очередь, мещанинишка.

– А вот что, – отвечала совесть, – отыщи ты мне маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое и схорони меня в нем! авось он меня, неповинный младенец, приютит и выхолит, авось он меня в меру возраста своего произведет, да и в люди потом со мной выйдет – не погнушается.

По этому ее слову все так и сделалось. Отыскал мещанинишка маленькое русское дитя, растворил его сердце чистое и схоронил в нем совесть.

Растет маленькое дитя, а вместе с ним растет в нем и совесть. И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем большая совесть. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама.

⁴⁹ Речь идет об отказе героя-иудея от своей веры и принятии православия.

Дикий помещик

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был помещик, жил и на свет глядячи радовался. Всего у него было довольно: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, и садов. И был тот помещик глупый, читал газету «Весть»⁵⁰ и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этот помещик:

– Господи! всем я от тебя доволен, всем награжден! Одно только сердцу моему непереносно: очень уж много развелось в нашем царстве мужика!

Но Бог знал, что помещик тот глупый, и прошению его не внял.

Видит помещик, что мужика с каждым днем не убывает, а все прибывает, – видит и опасается: «А ну, как он у меня все добро приест?»

Заглянет помещик в газету «Весть», как в сем случае поступать должно, и прочитает: «Старайся!»

– Одно только слово написано, – молвит глупый помещик, – а золотое это слово!

И начал он стараться, и не то чтоб как-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская в господские овсы забредет – сейчас ее, по правилу, в суп; дровец ли крестьянин нарубить по секрету в господском лесу соберется – сейчас эти самые дрова на господский двор, а с порубщика, по правилу, штраф.

– Больше я нынче этими штрафами на них действую! – говорит помещик соседям своим, – потому что для них это понятнее.

Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой. Сократил он их так, что некуда носа высунуть⁵¹: куда ни глянут – всё нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдет – помещик кричит: «Моя вода!» Курица за околицу выбредет – помещик кричит: «Моя земля!» И земля, и вода, и воздух – все его стало! Лучины не стало мужику в светец⁵² зажечь, прута не стало, чем избу вымести. Вот и взмолились крестьяне всем миром к Господу Богу:

– Господи! легче нам пропасть и с детьми с малыми, нежели всю жизнь так маяться!

Услышал милостивый Бог слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всем пространстве владений глупого помещика. Куда девался мужик – никто того не заметил, а только видели люди, как вдруг поднялся мякинный вихрь и, словно туча черная, пронеслись в воздухе посконные⁵³ мужицкие портки. Вышел помещик на балкон, потянул носом и чувствует: чистый-пречистый во всех его владениях воздух сделался. Натурально, остался доволен. Думает: «Теперь-то я понежусь свое тело белое, тело белое, рыхлое, рассыпчатое!»

И начал он жить да поживать и стал думать, чем бы ему свою душу утешить.

«Заведу, думаю, театр у себя! напишу к актеру Садовскому⁵⁴: приезжай, мол, любезный друг! и актерок с собой привози!»

Послушался его актер Садовский: сам приехал и актерок привез. Только видит, что в доме у помещика пусто и ставить театр и занавес поднимать некому.

– Куда же ты крестьян своих девал? – спрашивает Садовский у помещика.

– А вот Бог, по молитве моей, все мои владения от мужика очистил!

– Однако, брат, глупый ты помещик! кто же тебе, глупому, умыться подаст?

⁵⁰ Газета «Весть» (1863–1870) выражала интересы консервативного дворянства, недовольного крестьянской реформой.

⁵¹ Размежевание земли в ходе реформы производилось в интересах помещиков; выделяемый крестьянам надел, как правило, сокращался до минимума, предусмотренного «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

⁵² Светец (устар.) – подставка для лучины.

⁵³ Посконный – сшитый из поскони, дмотканного волокна из конопли с тонким стеблем.

⁵⁴ Садовский Пров Михайлович (1818–1872) – актер, известный своими комическими ролями.

– Да я уж и то сколько дней немытый хожу!

– Стало быть, шампиньоны на лице рбстить собрался? – сказал Садовский, и с этим словом и сам уехал, и актерок увез.

Вспомнил помещик, что есть у него поблизости четыре генерала знакомых; думает: «Что это я все гранпасьянс да гранпасьянс раскладываю! Попробую-ко я с генералами впятером пульку-другую сыграть!»

Сказано – сделано: написал приглашения, назначил день и отправил письма по адресу. Генералы были хоть и настоящие, но голодные, а потому очень скоро приехали. Приехали – и не могут надивиться, отчего такой у помещика чистый воздух стал.

– А оттого это, – хвастается помещик, – что Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика очистил!

– Ах, как это хорошо! – хвалят помещика генералы, – стало быть, теперь у вас этого холопьего запаху нисколько не будет?

В.В. Окунь. Иллюстрация к сказке «Дикий помещик». 1985 г.

– Нисколько, – отвечает помещик.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуют генералы, что пришел их час водку пить, приходят в беспокойство, озираются.

– Должно быть, вам, господа генералы, закусить захотелось? – спрашивает помещик.

– Не худо бы, господин помещик!

Встал он из-за стола, подошел к шкапу и вынимает оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждого человека.

– Что ж это такое? – спрашивают генералы, вытаращив на него глаза.

– А вот, закусите, чем Бог послал!

– Да нам бы говядинки! говядинки бы нам!

– Ну, говядинки у меня про вас нет, господа генералы, потому что с тех пор, как меня Бог от мужика избавил, и печка на кухне стоит нетоплена!

Рассердились на него генералы, так что даже зубы у них застучали.

– Да ведь жрешь же ты что-нибудь сам-то? – накинулись они на него.

– Сырjem кой-каким питаюсь, да вот пряники еще покуда есть...

– Однако, брат, глупый же ты помещик! – сказали генералы и, не dokonчив пульки, разбрелись по домам.

Видит помещик, что его уж в другой раз дураком чествуют, и хотел было уж задуматься, но так как в это время на глаза попалась колода карт, то махнул на все рукою и начал раскладывать гранпасьянс.

– Посмотрим, – говорит, – господа либералы, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать истинная твердость души!

Раскладывает он «дамский каприз»⁵⁵ и думает: «Ежели сряду три раза выйдет, стало быть, надо не взирать». И как назло, сколько раз ни разложит – все у него выходит, все выходит! Не осталось в нем даже сомнения никакого.

– Уж если, – говорит, – сама фортуна указывает, стало быть, надо оставаться твердым до конца. А теперь, покуда, довольно гранпасьянс раскладывать, пойду, позаймусь!

И вот ходит он, ходит по комнатам, потом сядет и посидит. И все думает. Думает, какие он машины из Англии выпишет, чтоб все паром да паром, а холопского духу чтоб нисколько не было. Думает, какой он плодовый сад разведет: «Вот тут будут груши, сливы; вот тут – персики, тут – грецкий орех!» Посмотрит в окошко – ан там все, как он задумал, все точно так уж и есть! Ломятся, по щучьему велению, под грузом плодов деревья грушевые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладет! Думает, каких он коров разведет, что ни кожи, ни мяса, а все одно молоко, все молоко! Думает, какой он клубники насадит, все двойной да тройной, по пяти ягод на фунт⁵⁶, и сколько он этой клубники в Москве продаст. Наконец устанет думать, пойдет к зеркалу посмотреться – ан там уж пыли на вершок насело...

– Сенька! – крикнет он вдруг, забывшись, но потом спохватится и скажет, – ну, пускай себе до поры, до времени так постоит! а уж докажу же я этим либералам, что может сделать твердость души!

Промаячит таким манером, покуда стемнеет, – и спать!

А во сне сны еще веселее, нежели наяву, снятся. Снится ему, что сам губернатор о такой его помещичьей непреклонности узнал и спрашивает у исправника: «Какой такой твердый курицын сын у вас в уезде завелся?» Потом снится, что его за эту самую непреклонность министром сделали, и ходит он в лентах, и пишет циркуляры: «Быть твердым и не взирать!» Потом снится, что он ходит по берегам Евфрата и Тигра⁵⁷...

– Ева, мой друг! – говорит он.

Но вот и сны все пересмотрел: надо вставать.

– Сенька! – опять кричит он, забывшись, но вдруг вспомнит... и поникнет головою.

⁵⁵ «Дамский каприз» – разновидность пасьянса.

⁵⁶ До 1890 года в России 1 фунт был равен приблизительно 410 граммам.

⁵⁷ Евфрат и Тигр – две реки из четырех, орошавших, согласно Библии, земной рай – Эдем (Быт. 2:8–14).

– Чем бы, однако, заняться? – спрашивает он себя, – хоть бы лешего какого-нибудь нелегкая принесла!

И вот по этому его слову вдруг приезжает сам капитан-исправник⁵⁸. Обрадовался ему глупый помещик несказанно; побежал в шкаф, вынул два печатных пряника и думает: «Ну, этот, кажется, останется доволен!»

– Скажите, пожалуйста, господин помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные⁵⁹ вдруг исчезли? – спрашивает исправник.

– А вот так и так, Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика совершенно очистил!

– Так-с; а не известно ли вам, господин помещик, кто подати за них платить будет?

– Подати?.. это они! это они сами! это их священнейший долг и обязанность!

– Так-с; а каким манером эту подать с них взыскать можно, коли они, по вашей молитве, по лицу земли рассеяны?

– Уж это... не знаю... я, с своей стороны, платить не согласен!

– А известно ли вам, господин помещик, что казначейство без податей и повинностей, а тем паче без винной и соляной регалий⁶⁰, существовать не может?

– Я что ж... я готов! рюмку водки... я заплачу!

– Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у нас на базаре ни куска мяса, ни фунта хлеба купить нельзя? знаете ли вы, чем это пахнет?

– Помилуйте! я, с своей стороны, готов пожертвовать! вот целых два пряника!

– Глупый же вы, господин помещик! – молвил исправник, повернулся и уехал, не взглянув даже на печатные пряники.

Задумался на этот раз помещик не на шутку. Вот уж третий человек его дураком чествует, третий человек посмотрит-посмотрит на него, плюнет и отойдет. Неужто он в самом деле дурак? неужто та непреклонность, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только глупость и безумие? и неужто, вследствие одной его непреклонности, остановились и подати, и регалии, и не стало возможности достать на базаре ни фунта муки, ни куска мяса?

И как был он помещик глупый, то сначала даже фыркнул от удовольствия при мысли, какую он штуку сыграл, но потом вспомнил слова исправника: «А знаете ли, чем это пахнет?» – и струсил не на шутку.

Стал он, по обыкновению, ходить взад да вперед по комнатам и всё думает: «Чем же это пахнет? Уж не пахнет ли водворением каким? например, Чебоксарами? или, быть может, Варнавиным?»

– Хоть бы в Чебоксары, что ли! по крайней мере, убедился бы мир, что значит твердость души! – говорит помещик, а сам по секрету от себя уж думает: «В Чебоксарах-то, я, может быть, мужика бы моего милого увидал!»

Походит помещик, и посидит, и опять походит. К чему ни подойдет, все, кажется, так и говорит: «А глупый ты, господин помещик!» Видит он, бежит чрез комнату мышонок и крадется к картам, которыми он гранпасьянс делал и достаточно уже замаслил, чтоб возбудить ими мышинный аппетит.

– Кшшш... – бросился он на мышонка.

Но мышонок был умный и понимал, что помещик без Сеньки никакого вреда ему сделать не может. Он только хвостом вильнул в ответ на грозное восклицание помещика и чрез мгно-

⁵⁸ Капитан-исправник – начальник уездной полиции.

⁵⁹ Временнообязанные – бывшие помещичьи крестьяне, получившие личную свободу, но не выкупившие землю у помещика и потому обязанные за пользование ею платить оброк или отрабатывать барщину.

⁶⁰ Регалии (от *лат.* *regalia*, *regalis* – принадлежащий царю), здесь: исключительные права верховной государственной власти. Винная и соляная регалии – государственные налоги на алкоголь и соль.

вание уже выглядывал на него из-под дивана, как будто говоря: «Погоди, глупый помещик! то ли еще будет! я не только карты, а и халат твой съем, как ты его позамаслишь как следует!»

М.А. Таранов. Иллюстрация к сказке «Дикий помещик». 1971 г.

Много ли, мало ли времени прошло, только видит помещик, что в саду у него дорожки репейником поросли, в кустах змеи да гады всякие кишмя кишат, а в парке звери дикие воют. Однажды к самой усадьбе подошел медведь, сел на корточках, поглядывает в окошки на помещика и облизывается.

– Сенька! – вскрикнул помещик, но вдруг спохватился... и заплакал.

Однако твердость души все еще не покидала его. Несколько раз он ослабевал, но как только почувствует, что сердце у него начнет растворяться, сейчас бросится к газете «Весть» и в одну минуту ожесточится опять.

– Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверьми по лесам скитаться, но да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Кучум-Кильдибаев, от принципов отступил!

И вот он одичал. Хоть в это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода. Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав⁶¹, а ногти у него сделались как железные. Сморгаться уж он давно перестал, ходил же все больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипеньем и рявканьем. Но хвоста еще не приобрел.

Выйдет он в свой парк, в котором он когда-то нежил свое тело рыхлое, белое, рассыпчатое, как кошка, в один миг, взлезет на самую вершину дерева и стережет оттуда. Прибежит, это, заяц, встанет на задние лапки и прислушивается, нет ли откуда опасности, – а он уж тут как тут. Словно стрела соскочит с дерева, вцепится в свою добычу, разорвет ее ногтями, да так со всеми внутренностями, даже со шкурой, и съест.

И сделался он силен ужасно, до того силен, что даже счел себя вправе войти в дружеские сношения с тем самым медведем, который некогда посматривал на него в окошко.

– Хочешь, Михайло Иванович, походы вместе на зайцев будем делать? – сказал он медведю.

– Хотите – отчего не хотеть! – отвечал медведь, – только, брат, ты напрасно мужика этого уничтожил!

– А почему так?

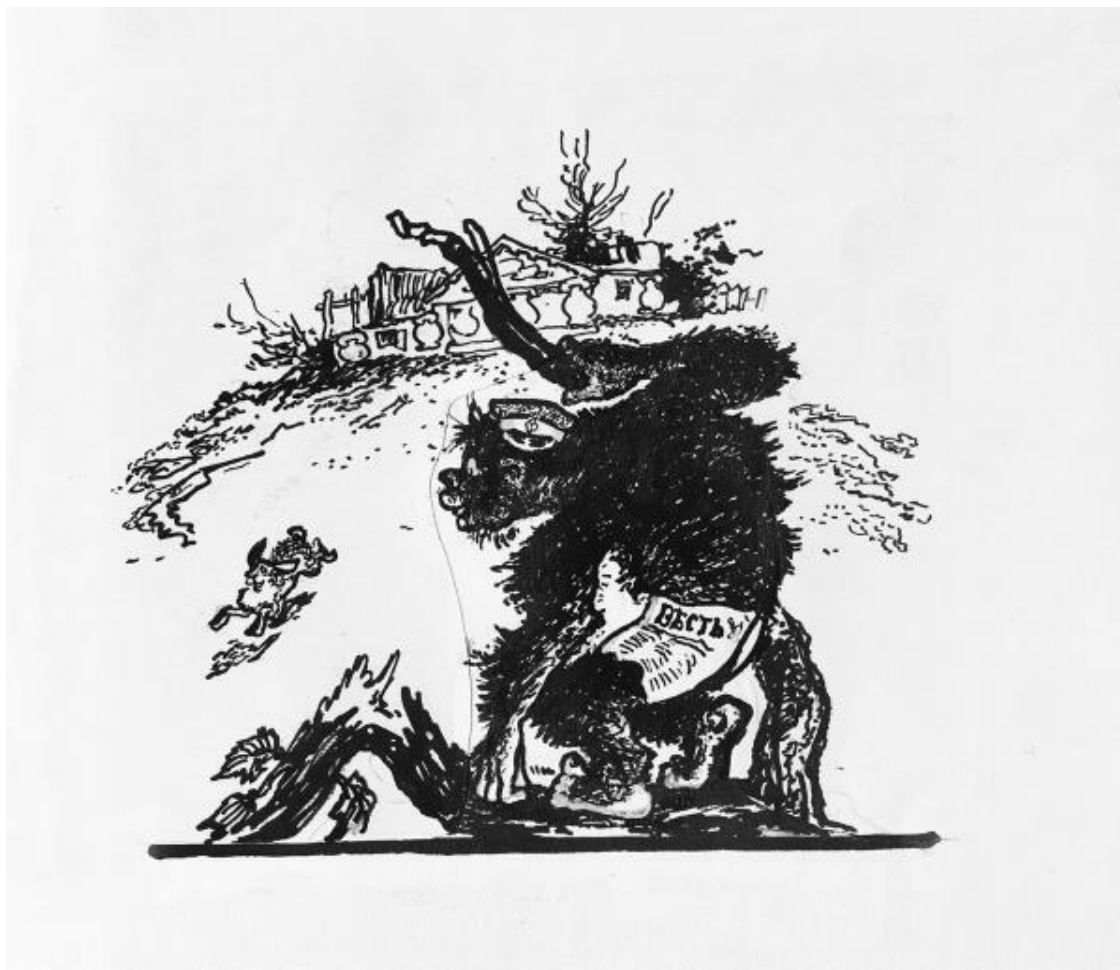
– А потому, что мужика этого есть не в пример способнее было, нежели вашего брата дворянина. И потому скажу тебе прямо: глупый ты помещик, хоть мне и друг!

Между тем капитан-исправник хоть и покровительствовал помещикам, но ввиду такого факта, как исчезновение с лица земли мужика, смолчать не посмел. Встревожилось его донесением и губернское начальство, пишет к нему: «А как вы думаете, кто теперь подати будет вносить? кто будет вино по кабакам пить? кто будет невинными занятиями заниматься?» Отвечает капитан-исправник: казначейство-де теперь упразднить следует, а невинные-де занятия и сами собой упразднились, вместо же них распространились в уезде грабежи, разбой и убийства. На днях-де и его, исправника, какой-то медведь не медведь, человек не человек едва не задрал, в каковом человеко-медведе и подозревает он того самого глупого помещика, который всей смуте зачинщик.

Обеспокоились начальники и собрали совет. Решили: мужика изловить и водворить, а глупому помещику, который всей смуте зачинщик, наиделикатнейше внушить, дабы он фанфаронства свои прекратил и поступлению в казначейство податей препятствия не чинил.

Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрали, посадили в плетушку и послали в уезд.

⁶¹ Исав – старший из сыновей-близнецов Исаака и Ревекки, родившийся «косматым» (Быт. 25:25).

Е.М. Сидоркин. Иллюстрация к сказке «Дикий помещик». 1950-е гг.

И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую груду денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

– И откуда вы, шельмы, берете!!

«Что же случилось, однако, с помещиком?» – спросят меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и его изловили. Изловивши, сейчас же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затем капитан-исправник сделал ему надлежащее внушение, отобрал газету «Весть» и, поручив его надзору Сеньки, уехал.

Он жив и доньше. Раскладывает гранпасьянс, тоскует по прежней своей жизни в лесах, умывается лишь по принуждению и по временам мычит.

Премудрый пискарь

Жил-был пискарь⁶². И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы веки⁶³ в реке прожили и ни в уху, ни к щуке в хайло не попали. И сыну то же заказали. «Смотри, сынок, – говорил старый пискарь, умирая, – коли хочешь жизнью жуировать⁶⁴, так гляди в оба!»

А у молодого пискаря ума палата была. Начал он этим умом раскидывать и видит: куда ни обернется – везде ему мат. Кругом, в воде, всё большие рыбы плавают, а он всех меньше; всякая рыба его заглотать может, а он никого заглотать не может. Да и не понимает: зачем глотать? Рак может его клешней пополам перерезать, водяная блоха⁶⁵ – в хребет впиться и до смерти замучить. Даже свой брат пискарь – и тот, как увидит, что он комара изловил, целым стадом так и бросятся отнимать. Отнимут и начнут друг с дружкой драться, только комара задаром растреплют.

Е.М. Сидоркин. Иллюстрация к сказке «Премудрый пискарь». 1950-е гг.

⁶² Пискарь – во времена М.Е. Салтыкова было принято именно такое написание слова (см.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.; М.: изд. М.О. Вольфа, 1882. С. 115). В современном языке правильно «пескарь».

⁶³ Аридовы веки – чрезвычайное долголетие; от имени Иареда, прожившего, как сказано в Библии, 962 года (Быт. 5:20).

⁶⁴ Жуировать (от *фр.* *jouir* наслаждаться) – получать удовольствие, наслаждаться.

⁶⁵ Водяная блоха – разговорное название дафний – микроскопических ракообразных, которые живут в пресных водах.

А человек? – что это за ехидное создание такое! каких каверз он ни выдумал, чтоб его, пискаря, напрасною смертью погубить! И невода, и сети, и верши, и норота⁶⁶, и, наконец... уду! Кажется, что может быть глупее уды? – Нитка, на нитке крючок, на крючке – червяк или муха надеты... Да и надеты-то как?.. в самом, можно сказать, неестественном положении! А между тем именно на уду всего больше пискарь и ловится!

Отец-старик не раз его насчет уды предостерегал. «Пуще всего берегись уды! – говорил он, – потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пискарями, что глупее, то вернее. Бросят нам муху, словно нас же приголубить хотят; ты в нее вцепишься – ан в мухе-то смерть!»

Рассказывал также старик, как однажды он чуть-чуть в уху не угодил. Ловили их в ту пору целою артелью, во всю ширину реки невод растянули, да так версты с две по дну волоком и волокли. Страсть, сколько рыбы тогда попало! И щуки, и окуни, и голов-ли, и плотва, и гольцы, – даже лещей-лебебоков из тины со дна поднимали! А пискарям так и счет потеряли. И каких страхов он, старый пискарь, натерпелся, покуда его по реке волокли, – это ни в сказке сказать, ни пером описать. Чувствует, что его везут, а куда – не знает. Видит, что у него с одного боку – щука, с другого – окунь; думает: вот-вот, сейчас или та, или другой его съедят, а они – не трогают... «В ту пору не до еды, брат, было!» У всех одно на уме: смерть пришла! а как и почему она пришла – никто не понимает. Наконец стали крылья у невода сводить, выволокли его на берег и начали рыбу из мотни в траву валить. Тут-то он и узнал, что такое уха. Трепещется на песке что-то красное; серые облака от него вверх бегут; а жарко таково что он сразу разомлел. И без того без воды тошно, а тут еще поддают... Слышит – «костер», говорят. А на «костре» на этом черное что-то положено, и в нем вода, точно в озере, во время бури, ходуном ходит. Это – «котел», говорят. А под конец стали говорить: вали в «котел» рыбу – будет «уха»! И начали туда нашего брата валить. Шваркнет рыбак рыбину – та сначала окунется, потом, как полоумная, выскочит, потом опять окунется – и присмирееет. «Ухи», значит, отведала. Валили-валили сначала без разбора, а потом один старичок глянул на него и говорит: «Какой от него, от малыша, прок для ухи! пуцай в реке порастет!» Взял его под жабы, да и пустил в вольную воду. А он, не будь глуп, во все лопатки – домой! Прибежал, а пискариха его из норы ни жива ни мертва выглядывает...

И что же! сколько ни толковал старик в ту пору, что такое уха и в чем она заключается, однако и поднесь в реке редко кто здравые понятия об ухе имеет!

Но он, пискарь-сын, отлично запомнил поучения пискаря-отца, да и на ус себе намотал. Был он пискарь просвещенный, умеренно-либеральный, и очень твердо понимал, что жизнь прожить – не то, что мутовку⁶⁷ облизать. «Надо так прожить, чтоб никто не заметил, – сказал он себе, – а не то как раз пропадешь!» – и стал устраиваться. Первым делом нору для себя такую придумал, чтоб ему забраться в нее было можно, а никому другому – не влезть! Долбил он носом эту нору целый год, и сколько страху в это время принял, ночуя то в иле, то под водяным лопухом, то в осоке. Наконец, однако, выдолбил на славу. Чисто, аккуратно – именно только одному поместиться впору. Вторым делом, насчет житья своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят, – он будет моцион делать, а днем – станет в норе сидеть и дрожать. Но так как пить-есть все-таки нужно, а жалованья он не получает и прислуги не держит, то будет он выбегать из норы около полден, когда вся рыба уж сыта, и, Бог даст, может быть, козявку-другую и промыслит. А ежели не промыслит, так и голодный в норе заляжет и будет опять дрожать. Ибо лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться.

Так он и поступал. Ночью моцион делал, в лунном свете купался, а днем забирался в нору и дрожал. Только в полдни выбежит кой-чего похватать – да что в полдень промыслишь!

⁶⁶ Верша и норот (или морда) – рыболовные снасти из ивовых прутьев, имеющие каноническую форму. В.И. Даль приводит слово «норот» как диалектный синоним слова «верша».

⁶⁷ Мутовка (от мутить) – лопатка или палочка с крестовиной, кружком или спиралью на конце для перемешивания или взбивания жидкостей и смесей.

В это время и комар под лист от жары прячется, и букашка под кору хоронится. Поглотает воды – и шабаш!

Лежит он день-деньской в норе, ночей недосыпает, куска недоедает и все-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?»

Задремлет, грешным делом, а во сне ему снится, что у него выигрышный билет и он на него двести тысяч выиграл. Не помня себя от восторга, перевернется на другой бок – глядь, ан у него целых полпрыла из норы высунулось... Что, если б в это время щуренок поблизости был! ведь он бы его из норы-то вытащил!

Однажды проснулся он и видит: прямо против его норы стоит рак. Стоит неподвижно, словно околдованный, вытаращив на него костяные глаза. Только усы по течению воды пошевеливаются. Вот когда он страху набрался! И целых полдня, покуда совсем не стемнело, этот рак его поджидал, а он тем временем все дрожал, все дрожал.

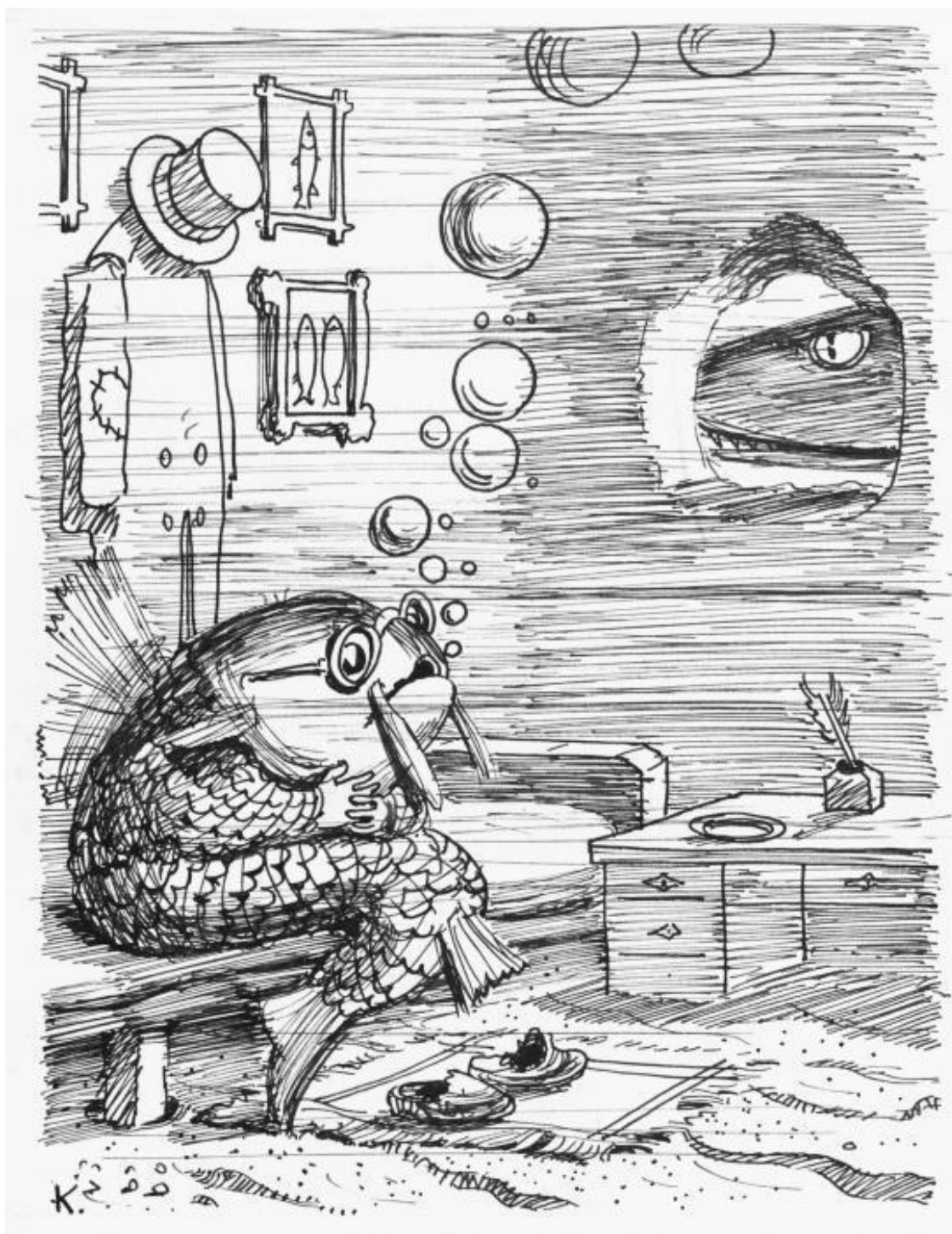
В другой раз, только что успел он перед зорькой в нору воротиться, только что сладко зевнул в предвкушении сна, – глядит, откуда ни возмись, у самой норы щука стоит и зубами хлопает. И тоже целый день его стерегла, словно видом его одним сыта была. А он и щуку надул: не вышел из норы, да и шабаш.

И не раз, и не два это с ним случалось, а почесть что каждый день. И каждый день он, дрожа, победы и одоления одерживал, каждый день восклицал: «Слава тебе, Господи! жив!»

Но этого мало: он не женился и детей не имел, хотя у отца его была большая семья. Он рассуждал так: «Отцу шутя можно было прожить! В то время и щуки были добрее, и окуни на нас, мелюзгу, не зарились. А хотя однажды он и попал было в уху, так и тут нашелся старичок, который его вызволил! А нынче, как рыба-то в реках повывелась, и пискари в честь попали. Так уж тут не до семьи, а как бы только самому прожить!»

И прожил премудрый пискарь таким родом слишком сто лет. Все дрожал, все дрожал. Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьет, табаку не курит, за красными девушками не гоняется – только дрожит да одну думу думает: «Слава Богу! кажется, жив!»

Даже щуки под конец и те стали его хвалить: «Вот, кабы все так жили – то-то бы в реке тихо было!» Да только они это нарочно говорили; думали, что он на похвалу-то отрекомендуется – вот, мол, я! тут его и хлоп! Но он и на эту штуку не поддался, а еще раз своею мудростью козни врагов победил.

А.М. Каневский. Иллюстрация к сказке «Премудрый пискарь». 1935 г

Сколько прошло годов после ста лет – неизвестно, только стал премудрый пискарь помирать. Лежит в норе и думает: «Слава Богу, я своею смертью помираю, так же, как умерли мать и отец». И вспомнились ему тут щучьи слова: «Вот кабы все так жили, как этот премудрый пискарь живет...» А ну-тка, в самом деле, что бы тогда было?

Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: «Ведь этак, пожалуй, весь пискарий род давно перевелся бы!»

Потому что, для продолжения пискарьего рода, прежде всего нужна семья, а у него ее нет. Но этого мало: для того, чтоб пискаря семья укреплялась и процветала, чтоб члены ее были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он

почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пискари достаточное питание получали, чтоб не чуждались общественности, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствоваться пискарью породе и не дозволит ей измельчать и выродиться в снетка⁶⁸.

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Все это представилось до того отчетливо и ясно, что вдруг ему страстная охота пришла: «Вылезу-ка я из норы да гоголем по всей реке проплыву!» Но едва он подумал об этом, как опять испугался. И начал, дрожа, помирать. Жил – дрожал, и умирал – дрожал.

Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал? кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нем? кто об его существовании вспомнит?

И на все эти вопросы ему пришлось отвечать: «Никому, никто».

Он жил и дрожал – только и всего. Даже вот теперь: смерть у него на носу, а он все дрожит, сам не знает, из-за чего. В норе у него темно, тесно, повернуться негде, ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнет. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, изможденный, никому не нужный, лежит и ждет: когда же наконец голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?

Слышно ему, как мимо его норы шмыгают другие рыбы – может быть, как и он, пискари – и ни одна не поинтересуется им. Ни одной на мысль не придет: «Дай-ка, спрошу я у премудрого пискаря, каким он манером умудрился с лишком сто лет прожить, и ни щука его не заглотала, ни рак клешней не перешиб, ни рыболов на уду не поймал?» Плывут себе мимо, а может быть, и не знают, что вот в этой норе премудрый пискарь свой жизненный процесс завершает!

И что всего обиднее: не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьет, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а все только распостылюю свою жизнь бережет?» А многие даже просто дураком и срамцом его называют и удивляются, как таких идолов вода терпит.

Раскидывал он таким образом своим умом и дремал. То есть не то что дремал, а забываться уж стал. Раздались в его ушах предсмертные шепоты, разлилась по всему телу истома. И привиделся ему тут прежний соблазнительный сон. Выиграл будто бы он двести тысяч, вырос на целых пол-аршина⁶⁹ и сам щук глотает.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, целиком из норы и высунилось.

⁶⁸ Снеток – маленькая пресноводная рыбка, озерная разновидность корюшки.

⁶⁹ Аршин – русская мера длины, равная 0,71 метра.

М.М. Черемных. Иллюстрация к сказке «Премудрый пискарь». 1937 г.

И вдруг он исчез. Что тут случилось – щука ли его заглотала, рак ли клешней перешиб, или сам он своею смертью умер и всплыл на поверхность, – свидетелей этому делу не было. Скорее всего – сам умер, потому что какая сласть щуке глотать хворого, умирающего пискаря, да к тому же еще и *премудрого*?

Самоотверженный заяц

Однажды заяц перед волком провинился. Бежал он, видите ли, неподалеку от волчьего логова, а волк увидел его и кричит: «Заинька! остановись, миленький!» А заяц не только не остановился, а еще пуще ходу прибавил. Вот волк в три прыжка его поймал да и говорит: «За то, что ты с первого моего слова не остановился, вот тебе мое решение: приговариваю я тебя к лишению живота посредством растерзания. А так как теперь и я сыт, и волчиха моя сыта, и запаса у нас еще дней на пять хватит, то сиди ты вот под этим кустом и жди очереди. А может быть... ха-ха... я тебя и помилую!»

Сидит заяц на задних лапках под кустом и не шевельнется. Только об одном думает: «Через столько-то суток и часов смерть должна прийти». Глянет он в сторону, где находится волчье логово, а оттуда на него светящееся волчье око смотрит. А в другой раз и еще того хуже: выйдут волк с волчихой и начнут по полянке мимо него погуливать. Посмотрят на него, и что-то волк волчихе по-волчье скажет, и оба залются: «Ха-ха!» И волчата тут же за ними увяжутся; играючи, к нему подбегут, ласкаются, зубами стучат... А у него, у зайца, сердце так и закатится!

Никогда он так не любил жизни, как теперь. Был он заяц обстоятельный, высмотрел у вдовы, у зайчихи, дочку и жениться хотел. Именно к ней, к невесте своей, он и бежал в ту минуту, как волк его за шиворот ухватил. Ждет, чай, его теперь невеста, думает: «Изменил мне косою!» А может быть, подождала-подождала, да и с другим... слюбилась... А может быть и так: играла бедняжка, в кустах, а тут ее волк... и слопал!..

Думает это бедняга и слезами так и захлебывается. Вот они, заячьи-то мечты! жениться рассчитывал, самовар купил, мечтал, как с молодой зайчихой будет чай-сахар пить, и вместо всего – куда угодил! А сколько, бишь, часов до смерти-то осталось?

И вот сидит он однажды ночью и дремлет. Снится ему, будто волк его при себе чиновником особых поручений сделал, а сам, покуда он по ревизиям бегает, к его зайчихе в гости ходит... Вдруг слышит, словно его кто-то под бок толкнул. Оглядывается – ан это невестин брат.

– Невеста-то твоя помирает, – говорит. – Прослышала, какая над тобой беда стряслась, и в одночасье зачахла. Теперь только об одном и думает: «Неужто я так и помру, не простившись с ненаглядным моим!»

Слушал эти слова осужденный, и сердце его на части разрывалось. За что? чем заслужил он свою горькую участь? Жил он открыто, революций не пушал, с оружием в руках не выходил, бежал по своей надобности – неужто ж за это смерть? Смерть! подумайте, слово-то ведь какое! И не ему одному смерть, а и ей, серенькой зайнице, которая тем только и виновата, что его, косого, всем сердцем полюбила! Так бы он к ней и полетел, взял бы ее, серенькую зайницу, передними лапками за ушки, и все бы миловал да по головке бы гладил.

– Бежим! – говорил между тем посланец.

Услыхавши это слово, осужденный на минуту словно преобразился. Совсем уж в комок собрался и уши на спину заложил. Вот-вот прянет⁷⁰ – и след простыл. Не следовало ему в эту минуту на волчье логово смотреть, а он посмотрел. И закатилось заячье сердце.

– Не могу, – говорит, – волк не велел.

А волк между тем все видит и слышит, и потихоньку по-волчьи с волчихой перешептывается: должно быть, зайца за благородство хвалят.

⁷⁰ Прянуть (*устар.*) – стремительно двинуться, прыгнуть.

Н.Е. Муратов. Иллюстрация к сказке «Самоотверженный заяц». 1955 г.

- Бежим! – опять говорит посланец.
- Не могу! – повторяет осужденный.
- Что вы там шепчетесь, злоумышляете? – как гаркнет вдруг волк.

Оба зайца так и обмерли. Попался и посланец! Подговор часовых к побегу – что, бишь, за это по правилам-то полагается? Ах, быть серой зайныке и без жениха, и без братца – обоих волк с волчихой слопают!

Опомнились косые – а перед ними и волк, и волчиха зубами стучат, а глаза у обоих в ночной темноте, словно фонари, так и светятся.

– Мы, ваше благородие, ничего... так, промежду себя... землячок проведать меня пришел! – лепечет осужденный, а сам так и мрет от страху.

– То-то «ничего»! знаю я вас! пальца вам тоже в рот не клади! Сказывайте, в чем дело?

– Так и так, ваше благородие, – вступился тут невестин брат, – сестрица моя, а его невеста, помирает, так просит, нельзя ли его проститься с нею отпустить?

– Гм... это хорошо, что невеста жениха любит, – говорит волчиха. – Это значит, что зайчат у них много будет, корму волкам прибавится. И мы с волком любимся, и у нас волчат много. Сколько по воле ходят, а четверо и теперь при нас живут. Волк, а волк! отпустить, что ли, жениха к невесте проститься?

– Да ведь его на послезавтра есть назначено...

– Я, ваше благородие, прибегу... я мигом оборочу... у меня это... вот как Бог свят прибегу! – заспешил осужденный, и чтобы волк не сомневался, что он *может* мигом оборотить, таким вдруг молодцом прикинулся, что сам волк на него залюбовался и подумал: «Вот кабы у меня солдаты такие были!»

А волчиха пригорюнилась и молвила:

– Вот поди ж ты! заяц, а как свою зайчиху любит!

Е.М. Сидоркин. Иллюстрация к сказке «Самоотверженный заяц». 1950-е гг.

Делать нечего, согласился волк отпустить косого в побывку, но с тем, чтобы как раз к сроку оборотил. А невестина брата аманатом⁷¹ у себя оставил.

⁷¹ Аманат (араб.) – заложник.

– Коли не воротишься через двое суток к шести часам утра, – сказал он, – я его вместо тебя съем; а коли воротишься – обоих съем, а может быть... ха-ха... и помилую!

Пустился косой, как из лука стрела. Бежит, земля дрожит. Гора на пути встренется – он ее «на уру» возьмет; река – он и броду не ищет, прямо вплавь так и чешет; болото – он с пятой кочки на десятую перепрыгивает. Шутка ли? в тридевятое царство поспеть надо, да в баню сходить, да жениться («непременно женюсь!» ежеминутно твердил он себе), да обратно, чтобы к волку на завтрак попасть...

Даже птицы быстроте его удивлялись, – говорили: «Вот в “Московских ведомостях” пишут, будто у зайцев не душа, а пар – а вон он как... улепетывает!»

Прибежал наконец. Сколько тут радостей было – этого ни в сказке не сказать, ни пером описать. Серенькая зайнышка, как увидела своего ненаглядного, так и про хворь позабыла. Встала на задние лапки, надела на себя барабан, и ну лапками «кавалерийскую рысь»⁷² выбивать – это она сюрприз жениху приготовила! А вдова-зайчиха так просто засовалась⁷³ совсем: не знает, где усадить нареченного зятюшку, чем накормить. Прибежали тут тетки со всех сторон, да кумы, да сестрицы – всем лестно на жениха посмотреть, а может быть, и лакомого кусочка в гостях отведать.

Один жених словно не в себе сидит. Не успел с невестой намиловаться, как уж затвердил:

– Мне бы в баню сходить да жениться поскорее!

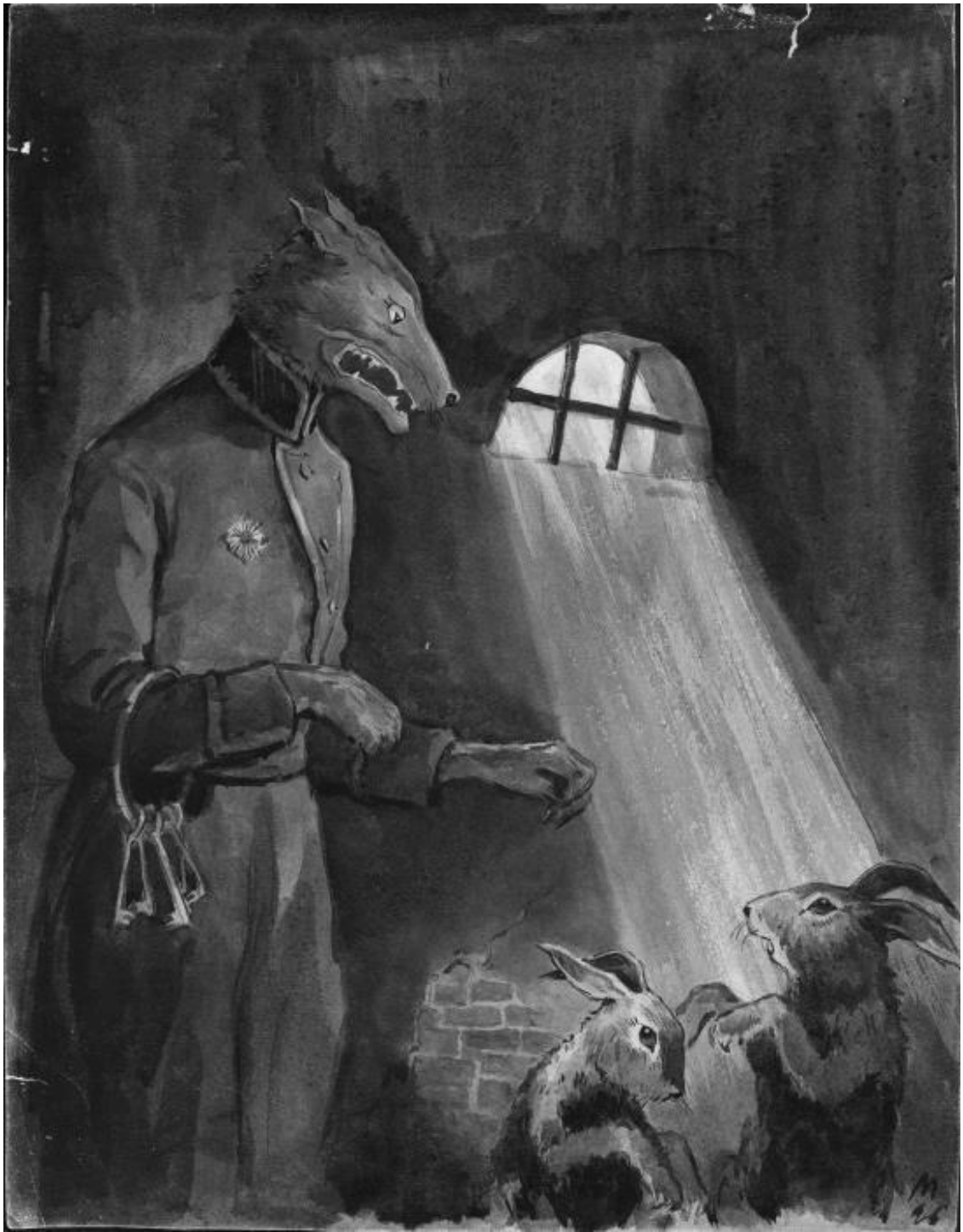
– Что больно к спеху зандобилось? – подшучивает над ним зайчиха-мать.

– Обратно бежать надо. Только на одни сутки волк и отпустил.

Рассказал он тут, как и что. Рассказывает, а сам горькими слезами разливается. И воротиться-то ему не хочется, и не воротиться нельзя. Слово, вишь, дал, а заяц своему слову – господин. Судили тут тетки и сестрицы – и те в один голос сказали: «Правду ты, косой, молвил: не давши слова – крепись, а давши – держись! никогда во всем нашем заячем роду того не бывало, чтобы зайцы обманывали!»

⁷² «Кавалерийская рысь» – имеется в виду пьеса М.И. Глинки «Кавалерийская рысь».

⁷³ Засеваться (*прост.*) – засуетиться, сбиться с ног от суеты.

В.Д. Медведев. Иллюстрация к сказке «Самоотверженный заяц». 1946 г.

Скоро сказка сказывается, а дело промежду зайцев еще того скорее делается. К утру косоногого окружили, а перед вечером он уж попрощался с молодой женой.

– Беспременно меня волк съест, – говорил он, – так ты будь мне верна. А ежели родятся у тебя дети, то воспитывай их строго. Лучше же всего отдай ты их в цирк: там их не только в барабан бить, но и в пушечку горохом стрелять научат.

И вдруг, словно в забытии (опять, стало быть, про волка вспомнил), прибавил:

– А может быть, волк меня... ха-ха... и помилует!

Только его и видели.

Между тем, покуда косой жуировал да свадьбу справлял, на том пространстве, которое разделяло тридевятое царство от волчьего логова, великие беды приключились. В одном месте дожди пролились, так что река, которую за сутки раньше заяц шутя переплыл, вздулась и на десять верст разлилась. В другом месте король Андрон королю Никите войну объявил, и на самом заячем пути сражение кипело. В третьем месте холера проявилась – надо было целую карантинную цепь верст на сто обогнуть... А, кроме того, волки, лисицы, совы – на каждом шагу так и стерегут.

Умен был косой; зараньше так рассчитал, чтобы три часа у него в запасе оставалось, однако, как пошли одни за другими препятствия, сердце в нем так и похолодело. Бежит он вечер, бежит полночи; ноги у него камнями иссечены, на боках от колючих ветвей шерсть клочьями висит, глаза помутились, у рта кровавая пена сочится, а ему вон еще сколько бежать осталось! И все-то ему друг аманат, как живой, мерещится. Стоит он теперь у волка на часах и думает: «Через столько-то часов милый зятек на выручку прибежит!» Вспомнит он об этом – и еще шибче припустит. Ни горы, ни доли, ни леса, ни болота – все ему нипочем! Сколько раз сердце в нем разорваться хотело, так он и над сердцем власть взял, чтобы бесплодные волнения его от главной цели не отвлекали. Не до горя теперь, не до слез; пускай все чувства умолкнут, лишь бы друга из волчьей пасти вырвать!

Вот уж и день заниматься стал. Совы, сычи, летучие мыши на ночлег потянули; в воздухе холодком пахнуло. И вдруг все кругом затихло, словно помертвело. А косой все бежит и все одну думу думает: «Неужто ж я друга не выручу!»

Заалел восток; сперва на дальнем горизонте слегка на облака огнем брызнуло, потом пуще и пуще, и вдруг – пламя! Роса на траве загорелась; проснулись птицы дневные, поползли муравьи, черви, козявки; дымком откуда-то потянуло; во ржи и в овсах словно шепот пошел, слышнее, слышнее... А косой ничего не видит, не слышит, только одно твердит: «Погубил я друга своего, погубил!»

Но вот, наконец, гора. За этой горой – болото и в нем – волчье логово... Опоздал, косой, опоздал!

Последние силы напрягает он, чтоб вскочить на вершину горы... вскочил! Но он уж не может бежать, он падает от изнеможения... неужто ж он так и не добежит?

Волчье логово перед ним как на блюдечке. Где-то вдали, на колокольне, бьет шесть часов, и каждый удар колокола словно молотом бьет в сердце измученного зверюги. С последним ударом волк поднялся с логова, потянулся и хвостом от удовольствия замахал. Вот он подошел к аманату, сгреб его в лапы и запустил когти в живот, чтобы разодрать его на две половины: одну для себя, другую для волчихи. И волчата тут; обсели кругом отца-матери, щелкают зубами, учатся.

– Здесь я! здесь! – крикнул косой, как сто тысяч зайцев вместе. И кубарем скатился с горы в болото.

И волк его похвалил.

– Вижу, – сказал он, – что зайцам верить можно. И вот вам моя резолюция: сидите, до поры до времени, оба под этим кустом, а впоследствии я вас... ха-ха... помилую!

Бедный волк

Другой зверь, наверное, тронулся бы самоотверженностью зайца, не ограничился бы обещанием, а сейчас бы помиловал. Но из всех хищников, водящихся в умеренном и северном климатах, волк всего менее доступен великодушию.

Однако ж не по своей воле он так жесток, а потому, что комплекция у него каверзная: ничего он, кроме мясного, есть не может. А чтобы достать мясную пищу, он не может иначе поступать, как живое существо жизни лишить. Одним словом, обязывается учинить злодейство, разбой.

Не легко ему пропитание его достается. Смерть-то ведь никому не сладка, а он именно только со смертью ко всякому лезет. Поэтому кто посильнее – сам от него обороняется, а иного, который сам защититься не может, другие обороняют. Частенько-таки волк голодный ходит, да еще с помятыми боками вдобавок. Сядет он в ту пору, поднимет рыло кверху и так пронзительно воет, что на версту кругом у всякой живой твари, от страха да от тоски, душа в пятки уходит. А волчиха его еще тоскливее подвывает, потому что у нее волчата, а накормить их нечем.

Нет того зверя на свете, который не ненавидел бы волка, не проклинал бы его. Стоном стонет весь лес при его появлении: «Проклятый волк! убийца! душегуб!» И бежит он вперед да вперед, голову повернуть не смеет, а вдогонку ему: «Разбойник! живорез!» Уволок волк, с месяц тому назад, у бабы овцу – баба-то и о сю пору слез не осушила: «Проклятый волк! душегуб!» А у него с тех пор маковой росинки в пасти не было: овцу-то сожрал, а другую зарезать не пришлось... И баба воет, и он воет... как тут разберешь!

Говорят, что волк мужика обездоливает; да ведь и мужик тоже, как обозлится, куда лют бывает! И дубьем-то он его бьет, и из ружья в него палит, и волчьи ямы роет, и капканы ставит, и облавы на него устраивает. «Душегуб! разбойник! – только и раздается про волка в деревнях, – последнюю корову зарезал! остатнюю овцу уволок!» А чем он виноват, коли иначе ему прожить на свете нельзя?

В.В. Окунь. Иллюстрация к сказке «Бедный волк». 1985 г.

И убьешь-то его, так проку от него нет. Мясо – негодное, шкура жесткая – не греет. Только и корысти-то, что вдоволь над ним, проклятым, натешись, да на вилы живьем поднимешь: пускай, гадина, капля по капле кровью исходит!

Не может волк, не лишая живота, на свете прожить – вот в чем его беда! Но ведь он этого не понимает. Если его злодеем зовут, так ведь и он зовет злодеями тех, которые его преследуют, увечат, убивают. Разве он понимает, что своею жизнью другим жизням вред наносит? Он думает, что живет, – только и всего. Лошадь – тяжести возит, корова – дает молоко, овца – волну, а он – разбойничает, убивает. И лошадь, и корова, и овца, и волк – все «живут», каждый по-своему.

И вот нашелся, однако ж, между волками один, который долгие веки все убивал да разбойничал и вдруг, под старость, догадываться начал, что есть в его жизни что-то неладное.

Жил этот волк смолоду очень шибко и был одним из немногих хищников, который почти никогда не голодал. И день и ночь он разбойничал, и все ему с рук сходило. У пастухов из-под носу баранов утаскивал; во дворы по деревням забирался; коров резал; лесника однажды до смерти загрыз; мальчика маленького, у всех на глазах, с улицы в лес унес. Слышал он, что его за эти дела все ненавидят и клянут, да только лютей и лютей от этих покров становился.

– Послушали бы, что в лесу-то делается, – говорил он, – нет той минуты, чтоб там убийства не было, чтоб какая-нибудь зверюга не верещала, с жизнью расставаясь, – так неужто ж на это смотреть?

И дожил он таким родом, промежду разбоев, до тех лет, когда волк уж «матерым» называется. Отяжелел маленько, но разбой все-таки не оставил; напротив, словно бы даже полютел. Только и попадись он нечаянно в лапы к медведю. А медведи волков не любят, потому что и на них волки шайками нападают, и частенько-таки слухи по лесу ходят, что там-то и там-то Михайло Иваныч оплошал: в клочки серые вороги шубу ему разорвали.

Держит медведь волка в лапах и думает: «Что мне с ним, с подлецом, делать? ежели съесть – с души сопрёт, ежели так задавить да бросить – только лес запахом его падали заразишь. Дай, посмотрю: может быть, у него совесть есть. Коли есть совесть, да поклянется он вперед не разбойничать – я его отпущу».

– Волк, а волк! – молвил Топтыгин, – неужто у тебя совести нет?

– Ах, что вы, ваше степенство! – ответил волк, – разве можно хоть один день на свете без совести прожить!

– Стало быть, можно, коли ты живешь. Подумай: каждый божий день только и вестей про тебя, что ты или шкуру содрал, или зарезал – разве это на совесть похоже?

– Ваше степенство! позвольте вам доложить! должен ли я пить-есть, волчиху свою накормить, волчат воспитать? какую вы на этот счет резолюцию изволите положить?

Подумал-подумал Михайло Иваныч, – видит: коли положено волку на свете быть, стало быть, и прокормить он себя право имеет.

– Должен, – говорит.

– А ведь я, кроме мясного, – ни-ни! Вот хоть бы ваше степенство, к примеру, взять: вы и малинкой полакомитесь, и медком от пчел позаимствуетесь, и овсеца пососете, а для меня ничего этого хоть бы не было! Да опять же и другая вольгота у вашего степенства есть: зимой, как заляжете вы в берлогу, ничего вам, кроме собственной лапы, не требуется. А я и зиму, и лето – нет той минуты, чтобы я о пище не думал! И все об мясе. Так каким же родом я эту пищу добуду, коли прежде не зарежу или не задушю?

Задумался медведь над этими волчьими словами, однако все еще попытать хочет.

– Да ты бы, – говорит, – хоть полегче, что ли...

В.Д. Медведев. Иллюстрация к сказке «Бедный волк». 1946 г.

– Я и то, ваше степенство, сколько могу, облегчаю. Лисица – та зудит: рванет раз – и отскочит, потом опять рванет – и опять отскочит... А я прямо за горло хватаю – шабаш!

Еще пуще задумался медведь. Видит, что волк ему правду-матку режет, а отпустить его все еще опасается: сейчас он опять за разбойные дела примется.

– Раскайся, волк! – говорит.

– Не в чем мне, ваше степенство, каяться. Никто своей жизни не враг, и я в том числе; так в чем же тут моя вина?

– Да ты хоть пообещай!

– И обещать, ваше степенство, не могу. Вот лиса – та вам что хотите обещает, а я – не могу.

Что делать? Подумал, подумал медведь, да наконец и решил.

– Пренесчастнейший ты есть зверь – вот что я тебе скажу! – молвил он волку. – Не могу я тебя судить, хоть и знаю, что много беру на душу греха, отпуская тебя. Одно могу прибавить: на твоём месте я не только бы жизнью не дорожил, а за благо бы смерть для себя почитал! И ты над этими моими словами подумай!

И отпустил волка на все четыре стороны.

Освободился волк из медвежьих лап и сейчас опять за старое ремесло принялся. Стонет от него лес, да и шабаш. Повалился в одну и ту же деревню; в две, в три ночи целое стадо зря перерезал – и ништо ему. Заляжет с сытым брюхом в болоте, потягивается да глаза жмурит. Даже на медведя, своего благодетеля, войной пошел, да тот, по счастью, вовремя спохватился да только лапой ему издали погрозил.

Долго ли, коротко ли он так буйствовал, однако и к нему наконец старость пришла. Силы убавились, проворство пропало, да вдобавок мужичок ему спинной хребет поленом перешиб; хоть и отлежался он, а все-таки уж на прежнего удалыца-живореза не похож стал. Кинется вдогонку за зайцем – а ног-то уж нет. Подойдет к лесной опушке, овечку из стада попробует унести – а собаки так и скачут-заливаются. Подождет он хвост, да и бежит с пустом.

– Никак, я уж и собак бояться стал? – спрашивает он себя.

Воротится в логово и начнет выть. Сова в лесу рыдает да он в болоте воет страсти господни, какой поднимется в деревне переполох!

Только промыслил он однажды ягненочка и волочет его за шиворот в лес. А ягненочек-то самый еще несмысленочек был: волочет его волк, а он не понимает. Только одно твердит: «Что такое? что такое?..»

– А я вот покажу тебе, что такое... мммерррзавец! – остервенился волк.

– Дяденька! я в лес гулять не хочу! я к маме хочу! не буду я, дяденька, не буду! – вдруг догадался ягненочек и не то заблеял, не то зарыдал, – ах, пастушок, пастушок! ах, собачки! собачки!

Остановился волк и прислушивается. Много он на своем веку овец перерезал, и все они какие-то равнодушные были. Не успеет ее волк ухватить, а она уж и глаза зажмурила, лежит, не шелохнется, словно натуральную повинность исправляет. А вот и малыш – а поди как плачет: хочется ему жить! Ах, видно, и всем эта распостылая жизнь сладка! Вот и он, волк, – стар-стар, а все бы годков еще с сотенку пожил!

И припомнились ему тут слова Топтыгина: «На твоём бы месте я не жизнь, а смерть за благо для себя почитал...» Отчего так? Почему для всех других земных тварей жизнь – благо, а *для него* она – проклятие и позор?

И, не дождавшись ответа, выпустил из пасти ягненка, а сам побрел, опустив хвост, в логово, чтобы там на досуге умом раскинуть.

Но ничего ему этот ум не выяснил, кроме того, что он уж давно знал, а именно: что никак ему, волку, иначе прожить нельзя, как убийством и разбоем.

Лег он плашмя на землю и никак улежать не может. Ум – одно говорит, а нутро – чем-то другим загорается. Недуги, что ли, его ослабили, старость ли в разор разорила, голод ли измучил, только не может он прежней власти над собой взять.

Так и гремит у него в ушах: «Проклятый! душегуб! живорез!» Что ж в том, что он за собой вольной вины не знает? ведь проклятый-то все-таки не заглушишь! Ох, видно, правду сказал медведь: только и остается, что руки на себя наложить!

Так ведь и тут опять горе: зверь – ведь он даже рук на себя наложить не умеет. Ничего сам собой зверь не может: ни порядка жизни изменить, ни умереть. Живет он словно во сне, и умрет – словно во сне же. Может быть, его псы растерзают или мужик подстрелит; так и тут он

только захрапит да корчей его на мгновение сведет – и дух вон. А откуда и как пришла смерть – он и не догадается.

Вот разве голодом он себя изведет... Нынче он уж и за зайцами гоняться перестал, только около птиц ходит. Поймает молодую ворону или витютня⁷⁴ – только этим и сыт. Так даже и тут прочие витютни хором кричат: «Проклятый! проклятый! проклятый!»

Именно проклятый. Ну как-таки только затем жить, чтобы убивать и разбойничать? Положим, несправедливо его проклинаят, нерезонно: не своей волей он разбойничает, – но как не проклинять! Сколько он зверья на своем веку погубил! сколько баб, мужиков обездолил, на всю жизнь несчастными сделал!

Много лет он в этих мыслях промучился; только одно слово в ушах его и гремело: «Проклятый! проклятый! проклятый!» Да и сам себе он все чаще и чаще повторял: «Именно проклятый! проклятый и есть; душегуб, живорез!» И все-таки, мучимый голодом, шел на добычу, душил, рвал и терзал...

И начал он звать смерть. «Смерть! смерть! хоть бы ты освободила от меня зверей, мужиков и птиц! Хоть бы ты освободила меня от самого себя!» – день и ночь выл он, на небо глядя. А звери и мужики, слыша его вой, в страхе вопили: «Душегуб! душегуб! душегуб!» Даже небу пожаловаться он не мог без того, чтоб проклятья на него со всех сторон не сыпались.

⁷⁴ Витютень – птица из семейства голубиных.

А.М. Каневский. Размышление. Иллюстрация к сказке «Бедный волк. 1935 г.

Наконец смерть сжалась-таки над ним. Появились в той местности «лукаши»⁷⁵, и соседние помещики воспользовались их прибытием, чтоб устроить на волка охоту. Лежит

⁷⁵ «Лукаши» – мужички из Великолуцкого уезда Псковской губернии, которые занимаются изучением привычек и нравов лесных зверей и потом предлагают охотникам свои услуги для облав (прим. М.Е. Салтыкова-Щедрина).

однажды волк в своем логове и слышит – зовут. Он встал и пошел. Видит: впереди путь вехами означен, а сзади и сбоку мужики за ним следят. Но он уже не пытался прорваться, а шел, опустив голову, навстречу смерти...

И вдруг его ударило прямо между глаз.

– Вот она... смерть-избавительница!

Добродетели и пороки

Добродетели с Пороками исстари во вражде были. Пороки жили весело и ловко свои дела обделывали; а Добродетели жили посерее, но зато во всех азбуках и хрестоматиях как пример для подражания приводились. А втихомолку между тем думали: «Вот кабы и нам, подобно Порокам, удалось хорошенькое дельце обделать!» Да, признаться сказать, под шумок и обделывали.

Трудно сказать, с чего у них первоначально распря пошла и кто первым задрал. Кажется, что Добродетели первые начали. Порок-то шустрый был и на выдумки гораздый. Как пошел он, словно конь борзый, пространство ногами забирать, да в парчах, да в шелках по белу свету щеголять – Добродетели-то за ним и не поспели. И не поспевши, – огорчились. «Ладно, говорят, щеголай, нахал, в шелках! Мы и в рубище от всех почтены будем!» А Пороки им в ответ: «И будьте почтены с Богом!»

Не стерпели Добродетели насмешки и стали Пороки на всех перекрестках костить. Выйдут в рубищах на распутие и пристают к прохожим: «Не правда ли, господа честные, что мы вам и в рубище милы?» А прохожие в ответ: «Ишь вас, салопниц⁷⁶, сколько развелось! проходите, не задерживайте! Бог подаст!»

Пробовали Добродетели и к городovým за содействием обращаться. «Вы чего смотрите? совсем публику распустили! ведь она, того и гляди, по уши в пороках погрязнет!» Но городové знай себе стоят да Порокам под козырек делают.

Так и остались Добродетели ни при чем, только пригрозили с досады: «Вот погодите! ушлют вас уже за ваши дела на каторгу!»

А Пороки между тем всё вперед да вперед бегут, да еще и похваляются. «Нашли, говорят, чем стращать – каторгой! Для нас-то еще либо будет каторга, либо нет, а вы с самого рожденья в ней по уши сидите! Ишь, злецы! кости да кожа, а глаза, посмотри, как горят! Щелкают на пирог зубами, а как к нему приступить – не знают!»

Словом сказать, разгоралась распря с каждым днем больше и больше. Сколько раз даже до открытого боя дело доходило, но и тут фортуна почти всегда Добродетелям изменяла. Одолеют Пороки и закуют Добродетели в кандалы: «Сидите, злоумышленники, смирно!» И сидят, покуда начальство не вступится да на волю не выпустит.

В одну из таких баталий шел мимо Иванушка-Дурачок, остановился и говорит сражающимся:

– Глупые вы, глупые! из-за чего только вы друг друга увечите! ведь первоначально-то вы все одинаково *свойствами* были, а это уж потом, от безалаберности да от каверзы людской, добродетели да пороки пошли. Одни свойства понажали, другим вольный ход дали – колесики-то в машине и поиспортились. И воцарились на свете смута, свара, скорбь... А вы вот что сделайте: обратитесь к первоначальному источнику – может быть, на чем-нибудь и сойдетесь!

Сказал это и пошел путем-дорогой в казначейство подать вносить.

Подействовали ли на сражающихся Иванушкины слова, или пороку для продолжения битвы не достало, только вложили бойцы мечи в ножны и задумались.

Думали, впрочем, больше Добродетели, потому что у них с голоду животы подвело, а Пороки, как протрубили трубы отбой, так сейчас же по своим прежним канальским делам разбрелись и опять на славу зажили.

⁷⁶ Салопница (*устар.*) – женщина в изношенном салопе (салоп – верхняя одежда); попрошайка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.